

Семья на один вечер

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Семья на один вечер

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Семья на один вечер / А. Сунгурский — «Автор», 2026

За тридцать тысяч рублей актриса Людмила Рощина соглашается побыть чужой матерью. Всего один вечер: познакомиться с невестой, вспомнить детство жениха, помочь ему понравиться будущей теще. На гонорар она рассчитывает подготовить собственное чтение. Но после десерта жениха находят убитым. Когда полиция просит гостей назвать настоящие имена, выясняется, что отец, сестра и дядя ему тоже не родственники. Каждый пришёл со своей выученной биографией. Каждый помнит немного другой ужин. Людмила привыкла верить хорошему партнёру и сторониться тех, кто портит сцену. Теперь эта привычка заставляет её подозревать не того человека — и помогает настоящему убийце.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мать по четвергам	5
Глава 2. Биография на двух листах	11
Глава 3. Знакомые с детства	17
Глава 4. После десерта	24
Глава 5. Назовите настоящее имя	31
Глава 6. Два отца	37
Глава 7. Двадцать тысяч после ужина	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

А.М. Сунгурский

Семья на один вечер

Глава 1. Мать по четвергам

Сына Людмиле прислали, пока она искала вторую перчатку.

На фотографии мужчина стоял возле светлой машины, положив руку на открытое окно. Лицо хорошее, немного напряжённое, как бывает у людей, которых попросили улыбнуться после долгого разговора о цене. Внизу Полина написала: «Тридцать четыре. По возрасту нормально?»

Людмила увеличила снимок двумя пальцами. В левом ухе мужчины не было ничего, на шее тоже. Почему она проверила именно это, объяснить было трудно. Сыновья, насколько ей доводилось видеть, бывали и с серьгами.

— Людмила Сергеевна, мы сегодня начинаем? — спросила из-за двери Зоя.

— Сегодня — да.

— Я про время.

— И по времени тоже.

Вторую перчатку она обнаружила в собственном кармане. На правой разошёлся шов у большого пальца; пришлось надеть её так, чтобы дырку прикрывал край шали. Зоя, увидев, что получилось, отвернула руку к свету.

— Снимай.

— Уже люди сидят.

— Люди и ещё две минуты посидят. А ты потом весь час будешь кисть выворачивать.

Она взяла перчатку и ушла к своей сумке за иглой. Людмила осталась перед зеркалом, припиленным к оборотной стороне двери. Зеркало когда-то было выше: сверху сохранилась широкая полоса тёмной амальгамы, а нижний край заклеили белой лентой. Её лицо помещалось между этими двумя повреждениями. Приходилось выбирать, что сегодня важнее видеть — причёску или подбородок.

Телефон снова засветился.

«Не спектакль. Личное мероприятие. Завтра с пяти до девяти. Тридцать. Позвони после своего».

Людмила убрала аппарат экраном вниз.

В комнате за дверью ждали одиннадцать человек. За три дня до занятия записались восемнадцать; потом одну женщину вызвали на работу, другая заболела, трое приехавших вместе решили гулять, пока не начался дождь. Два места просто остались пустыми. Организатор частного клуба обещал распределить аренду пропорционально выручке, но слово «пропорционально» всякий раз обнаруживало у него новое значение.

Сегодня Людмила рассказывала о семейных письмах. К столу вынесли зелёную лампу, рядом положили старые конверты, купленные Зоей целой связкой на барахолке. Чужое настоящее письмо Людмила без разрешения не читала. Для занятия выбрала опубликованные, а конверты использовала, чтобы люди могли потрогать тонкую бумагу, разглядеть почтовые штемпели и понять, сколько места занимало ожидание одного ответа.

Это объяснение нравилось ей гораздо больше, чем название, напечатанное на афише: «Секреты женского счастья старой Вологды». Название придумал организатор. Когда она возразила, он предложил ей придумать такое, на которое тоже придут.

Зоя вернулась с перчаткой.

— Всё. Только в следующий раз заранее.

— Я заранее её потеряла.

— Ты заранее всё теряешь. А находишь, когда уже выходить.

Людмила хотела ответить, но Зоя вдруг провела ладонью по её плечу, убирая нитку, и это короткое движение успокоило её лучше любой шутки.

Она вошла в зал без звонка. На настоящей сцене кто-нибудь поднял бы свет. Здесь женщина в первом ряду отложила телефон, и этого оказалось достаточно.

Первые двадцать минут прошли хорошо. Людмила умела замечать, когда слушатель только что пришёл к ней из собственных мыслей. Мужчина у окна перестал рассматривать строительный кран, две подруги во втором ряду перестали шептаться. Она не прибавляла громкости; просто отодвинула письмо и рассказала, как сама однажды три недели собиралась ответить на добрый вопрос, пока он не превратился в обиду.

— И что же вы сделали? — спросила женщина с фиолетовыми очками.

— Написала. Хуже всего вышло с первой фразой. Я решила сразу объяснить все три недели.

— А надо было?

— Начать со второй.

Засмеялись не все, но дружно. Зоя у двери подняла глаза от счёта на ткань.

Потом одна из подруг спросила, правда ли прежде мужья всегда отдавали жалованье жёнам. Людмила сказала, что семьи бывали разные и письма, с которыми они сегодня работают, не позволяют судить обо всех. Подруга разочарованно откинулась на спинку.

— А у вас в рекламе написано, как сохранить семью.

— Я могу рассказать, как эти люди пытались её сохранять.

— То есть готового способа нет?

— За шестьсот рублей было бы обидно тем, кто мучился бесплатно.

Мужчина у окна засмеялся первым. Женщина в очках тоже улыбнулась, а подруга посмотрела на афишу, словно надеялась найти там мелкий шрифт.

После этого Людмиле пришлось работать осторожнее. Она отказалась от одного длинного отрывка, дала людям подержать конверты, предложила прочесть вслух короткое обращение так, чтобы оно прозвучало просьбой, а потом — упрёком. Мужчина у окна справился неожиданно хорошо. Его жена сначала обрадовалась, потом попросила прочесть ещё раз.

К концу занятия они разговаривали все вместе. Женщина, которой обещали сохранить семью, рассказала про письмо покойного отца; Людмила подвинула к ней коробку с салфетками, и разговор на несколько минут стал тише. За окном работала машина, уплотнявшая грунт. Иногда дрожала чашка на подоконнике. Этот звук никак не хотел становиться частью старой Вологды.

Когда посетители ушли, организатор пересчитал деньги и сказал:

— Хорошо посидели. Но с историей, видимо, надо короче.

— Это историческое занятие, Слав.

— Я же не говорю совсем убрать.

Он выделил её долю, прижал к столу пальцем и стал считать аренду. Людмила смотрела на деньги. За занятие, дорогу, подготовку и два часа ответов в переписке ей досталась тысяча восемьсот.

— В прошлый раз по-другому считали.

— В прошлый раз было больше народа.

— Поэтому и доля была больше.

— Люд, мне тоже помещение оплачивать.

Он поднял глаза. Людмила знала этот взгляд: сейчас они оба должны были вспомнить, что знакомы давно, и отложить арифметику ради хороших отношений. Она пересчитала купюры сама.

— У нас сорок процентов после аренды. Ты сейчас вычел аренду дважды.

Слава посмотрел на листок, перевернул его, словно ошибка могла находиться с другой стороны.

— Точно. Сейчас.

Добавил ещё шестьсот. Не обиделся. Людмила почему-то почувствовала себя невежливой.

Зоя молча сняла с лампы зелёный абажур и завернула его в полотенце. Когда они остались вдвоём, сказала:

— Вот это надо на афишу. «Секреты получения собственного гонорара».

— Никто не придёт. Будут ждать бесплатную запись.

Она убрала шаль, сняла перчатки и обнаружила на среднем пальце красную полоску от слишком узкого кольца. Кольцо принадлежало Зое и было нужно только к костюму. Своё обручальное Людмила давно носила на тонкой цепочке, а сегодня оставила дома: золото выглядывало бы над воротом и спорило с тяжёлой стеклянной брошью.

— Полина пишет, — сказала она.

Зоя сразу перестала укладывать вещи.

— Опять юбилей?

— Мать.

— Чья?

Людмила повернула к ней фотографию.

Зоя посмотрела внимательно, увеличила лицо, потом почему-то уменьшила снимок до машины.

— Этого?

— По возрасту, спрашивает, подойду ли.

— Подойдёшь. А он тебе подойдёт?

Людмила забрала телефон.

— Это на четыре часа.

— Тогда проверяй хотя бы, где парковаться. У чужих детей всё самое сложное выясняется в последний момент.

* * *

Полина ждала её в небольшом кафе на проспекте Победы. Выбрала столик возле розетки, хотя телефон был заряжен почти полностью. Людмила заметила это по зелёному значку, когда та подвинула экран с фотографией.

— Денис Кедрин. Нормальный человек. Своё дело, собирается жениться. Надо познакомиться с невестой и её мамой.

— Ему надо или мне?

— Вам в роли.

Полина не стала смеяться. У неё было круглое лицо, коротко подстриженные волосы и привычка разбирать задачу сразу на две: одну объясняла, вторую уже решала в телефоне. Пока Людмила снимала пальто, она отправила кому-то адрес, отменила доставку шаров и напомнила помощнице поесть до вечерней смены.

— Почему настоящая мать не может?

Полина отодвинула телефон.

— Сложные отношения. Он сам расскажет столько, сколько сочтёт нужным. Мы не влезем.

— Я как раз влезая. На место матери.

— Людмила Сергеевна, я понимаю, как это звучит. Но здесь никто не оформляет наследство, не получает пособие, не подписывает сделку. Просто семейный ужин. Невесте важно познакомиться. А у человека... ну, бывает.

Она остановилась, давая Людмиле самой подобрать объяснение. Это было ловко. Мать могла пить, болеть, жить с неприятным человеком, отвергнуть выбор сына. Могла вовсе не хотеть его видеть. Каждая из этих возможностей делала фотографию возле машины чуть более грустной.

— Сколько человек?

— Семеро за столом. Вы, он, папа, сестра, дядя. Невеста со своей мамой. Я рядом по организации, но не участник.

— Они знают, что я чужая?

— Денис разберётся со своей стороной. Вам надо познакомиться с ними по карточке. Задавать лишние вопросы не нужно: это же не съёмка с репетицией на всю группу.

— Полина. Его отец должен четыре часа делать вид, что я его жена?

— У них давно отдельная жизнь. Вы сидите вместе, но не обязаны изображать влюблённых.

— Очень удобно.

— Вам не надо никого целовать, если вы об этом.

Людмила посмотрела на чашку. Кофе уже принесли, но пенка ещё держалась целой. Ей нравилось то короткое время, когда ничего не тронут и можно отказаться, не поднимая разбросанное.

— Вообще-то я о том, что они меня не знают.

— Люди встречаются после долгого перерыва. У каждого работа. У нас есть простая история. Смотрите.

Полина достала два листа. Вверху было напечатано «Елена». Дальше шли возраст, занятия, несколько семейных событий. Детская поездка в Каргополь, занятия сына музыкой, велосипед, потерянный на даче. Людмила пробежала глазами до конца.

— Музыкальная школа?

— Вы играете?

— Когда-то училась.

— Вот и прекрасно.

— Там написано, что я преподавала.

— За ужином никто не попросит провести экзамен.

Людмила положила лист на стол.

В театре она играла врачей, военных, одну женщину, пережившую революцию, и другую, которая не пережила второе действие. Ни одна роль не требовала диплома. Но зритель покупал билет и соглашался на всё заранее. Здесь билета у Веры — так звали невесту — не было.

— Она потом узнает?

Полина вздохнула и впервые посмотрела на неё без деловой поспешности.

— Вы хотите, чтобы я сейчас пообещала, как он будет жить после пятницы?

— Не хочу.

— Я тоже не могу. Могу обеспечить оплату, нормальное помещение и то, что от вас не потребуют ничего сверх разговора. Четыре часа. Никаких документов от имени матери. Съёмка только на личные телефоны, без рекламы. Если кто-то ведёт себя неприлично, вы уходите. Это пропишем.

— А если мне просто станет неприятно?

— Тогда созвонимся и решим. Но я рассчитываю, что вы прочтёте всё до согласия.

Людмила снова взяла лист.

Рядом с именем Дениса стояло уменьшительное «Деня», затем в скобках: «Мама может так называть». Она представила, как взрослый мужчина за чужим столом на секунду перестаёт слушать, потому что кто-то произнёс его детское имя. В этой детали было что-то неловко настоящее. Возможно, именно ради неё он всё затеял. Возможно, Полина умело вставляла её в каждую карточку.

— Тридцать — мне или за всё?

— Вам. Десять сегодня, двадцать после. Дорога отдельно. Чек как обычно.

Она сказала это буднично. За тридцать тысяч можно было оплатить несколько вечеров в маленьком зале, не спрашивая у Славы, какую долю он на этот раз сочтёт справедливой. Можно было сделать то чтение, к которому Людмила полгода подбирала куски: без обещаний счастья, без необходимости выдавать каждую человеческую боль за полезный совет. Пригласить музыканта хотя бы на одну репетицию. Нормально напечатать афиши.

— Денису сколько лет точно?

— Тридцать четыре.

— Значит, я родила в девятнадцать.

— Выглядит правдоподобно.

— Я не про вид. В вашей биографии я сначала закончила училище, два года работала, потом вышла замуж и родила. У вас тут получается двадцать три, если очень торопиться.

Полина придвинула лист к себе.

— Исправим.

— Или мне надо быть старше.

— Не надо. Он вас по записи выбрал. Сказал: вот такая.

Людмила подняла глаза.

— По какой записи?

Полина показала ролик прошлогоднего занятия. Людмила сидела за тем же столом, только без зелёной лампы, и читала короткий смешной фрагмент. В какой-то момент поправила очки и посмотрела на человека за кадром с таким открытым нетерпением услышать ответ, что ей стало неловко за собственное лицо.

Она редко смотрела эти записи. Голос казался чуть выше, плечи — круглее. Но мужчина возле машины выбрал именно её, а не фотографию десятилетней давности из театрального буклета.

— Хорошо, — сказала она. — С ним я поговорю до ужина. Лично. Если там окажется не то, что вы сейчас рассказываете, я откажусь.

— Конечно.

— И пункт про официальные документы. Ни одной подписи Елены Кедринной.

— Будет.

— Ещё я не хочу, чтобы моё лицо потом продавало счастливую семью кому-нибудь следующему.

Полина сделала пометку.

— Без рекламного использования. Я вас услышала.

Они обсудили время, оплату такси и короткую встречу на следующий день. Людмила прочла условия в телефоне, попросила убрать расплывчатое «иные поручения заказчика», отправила свои данные для обычной оплаты и дождалась сообщения банка.

Десять тысяч выглядели на экране гораздо меньше той свободы, которую она уже успела на них придумать.

Когда они вышли, Полина сразу кому-то позвонила. Людмила осталась под козырьком, застёгивая пальто. По другой стороне улицы шли двое подростков с одним самокатом; тот, кто вёл его, всё время придерживал спутника за лямку рюкзака, чтобы не отстал.

— Согласилась? — спросила Зоя, когда Людмила позвонила ей от остановки.

— Да.

— Ну и что за человек?

— Завтра узнаю.

Зоя помолчала.

— Платье какое?

— Синее. С длинным рукавом.

— Принеси сегодня. Там у подкладки шов тянет.

Людмила хотела сказать, что справится. Потом вспомнила перчатку, посмотрела на полученные деньги и согласилась.

Дома она положила карточку на стол и открыла шкаф.

Синее платье висело в чехле за зимним пальто мужа. Пальто оставалось там шестой год. Его можно было отдать, но всякий раз находилось более срочное дело. Сегодня Людмила сняла оба плечика, отодвинула пальто на край и повесила платье перед собой, чтобы проверить длину.

Карточка лежала белым прямоугольником под жёлтым светом.

«Сына называете Деней. В детстве боялся выходить к публике, поэтому на первом утреннике вы встали за последним рядом и улыбались ему, пока он читал стихотворение».

Людмила прочла это вслух. Потом ещё раз, без бумажного выражения «выходить к публике».

Она легко увидела мальчика перед рядом стульев, почувствовала, как надо чуть податься вперёд, чтобы он заметил лицо матери. Улыбка получилась сразу.

Некоторое время она смотрела на себя в тёмное оконное стекло.

Потом выключила верхний свет и пошла искать сумку, в которую платье можно было донести до Зои не помяв.

Глава 2. Биография на двух листах

Зоя положила перед ней две пуговицы.

— Эта родная. Эта почти.

Почти была чуть темнее и с другой дырочкой. Людмила взяла обе, приложила к манжете и подвинула ткань под настольную лампу.

— Если под таким светом будут разглядывать, я сразу скажу правду.

— Про что?

— Про пуговицу.

Зоя села к машинке. В её комнате почти не оставалось места, где можно было просто сидеть. На диване лежали три одинаковых жилета, на спинке стула висело детское платье с недошитой юбкой, под столом стояла коробка, из которой торчало золотое крыло. Второе крыло ждало ремонта за дверью. Людмила никогда не спрашивала, куда всё это делось бы, если бы Зоя однажды согласилась пожить для себя.

— Садись на табурет. И не на бархат.

Она подняла отрез, переложила его на подоконник. За стеклом мокли два оставшихся цветка герани. Зоя выставила горшок наружу весной и каждое утро с тех пор намеревалась занести.

— Ещё вчера в шесть обещали забрать жилеты, — сказала она. — Пока ни человека, ни половины денег. Ты сегодня когда заканчиваешь?

— К девяти. Там ещё дорога.

— Значит, заедешь завтра. Посмотрим зал на фотографиях.

— Лучше ногами. На фотографиях он всегда помещается целиком.

Зал им предложили в студии над небольшой мастерской. Прежде там учили детей рисовать, потом хозяева разделили помещение: в одной комнате остались занятия, в другой можно было устраивать чтения. Стульев было двадцать два. Людмила видела их на снимке и несколько раз пересчитала, надеясь найти ещё один за занавеской. Больше двадцати двух не получалось.

— Ты туда сколько человек собираешься посадить? — спросила Зоя.

— Столько, сколько придёт.

— А заплатишь за весь зал.

— Да.

Зоя перевела рычаг, машина коротко загудела. Она не любила спорить со словами, смысл которых собеседник и без неё прекрасно понимал. Людмила открыла в телефоне свою папку чтения.

Название пока было «Письмо, которое не отправили». Ей нравился звук, но всё больше не нравилась обещанная тайна. Получалось, что зритель придёт за чьим-то последним признанием, а она собиралась читать о вполне земных вещах: как человек не решился попросить, как написал ненужное объяснение, как потом встретился с адресатом и сказал совсем другое. В первой части было много женщин, во второй — неожиданно много денег. Зоя ещё не читала всего, только спросила, не плакать ли ей заранее.

— Я убрала стихотворение из начала.

— То, которое ты любишь?

— Именно поэтому.

— Зачем же тогда люди придут?

Людмила подняла голову.

Зоя продолжала шить, подавшись к ткани так близко, что прядь волос задела машину.

— Ты им всё хочешь оставить самое понятное, — сказала она. — А сама сидишь потом с видом, будто тебе по ошибке выдали чужой вечер.

Людмила закрыла папку. Вчера в кафе тридцать тысяч казались началом собственной работы. Утром она успела распределить их между залом, печатью, музыкантом, электричеством и обувью. Самостоятельность быстро обросла чужими счетами.

Зоя обрезала нитку.

— Надень. Руку подними.

Людмила переделалась за ширмой, которую Зоя поставила между шкафом и машинкой. Платье застёгивалось сзади; ей пришлось попросить помощи. В зеркале тёмно-синяя ткань выглядела строже, чем на плечиках. Она подняла руку, потом вторую. Подкладка больше не тянула.

— Хорошо, — сказала Зоя. — Не сутулься только, когда слушаешь. Ты вечно хочешь стать меньше человека, которому отвечаешь.

— Это профессиональное.

— Это позвоночник.

Они посмотрели друг на друга в зеркале, и Людмила рассмеялась первой.

В сумку она положила тонкий серый шерстяной палантин: вечером в такси бывает тепло, а потом всё равно приходится искать ключи у подъезда. Там же лежали очки в жёстком футляре, расчёска, помада, маленькая бутылка воды и два листа, на которых ей полагалось помнить чужого мальчика.

Телефон дрогнул. Полина прислала адрес встречи и следом сообщение:

«Катя после десерта уедет раньше. С Денисом согласовано, не удерживайте её и не придумывайте при гостях, почему. Если спросят — дела с дорогой».

Людмила ответила: «Поняла».

Ей хотелось спросить, почему сестра не может объяснить собственный отъезд сама. Но вчера она уже задала достаточно вопросов, чтобы Полина начала каждую следующую фразу с «мы же договорились». Невесту сегодня знакомили с семьёй, и Людмиле предстояло удерживать разговор в пределах этой нехитрой задачи. Чужие расписания можно было оставить их владельцам.

— Ты кольцо возьмёшь? — спросила Зоя.

— Нет. У Елены давно отдельная жизнь.

Она произнесла чужое имя спокойно и лишь после заметила, что Зоя перестала улыбаться.

— Я про твоё.

— Оно дома.

Зоя кивнула и убрала со стола лишнюю пуговицу. Родную пришила к манжете, почти такую же положила в маленький пакетик.

— Запасная. Только не забудь, где лежит.

* * *

Полина снимала две комнаты на втором этаже здания, в котором на первом продавали крепёж. Чтобы попасть к ней, нужно было пройти мимо коробок с дверными ручками и подняться по лестнице с низким потолком. Вчера Людмила представляла себе встречу в кафе. Здесь всё выглядело рабочее и от этого убедительнее: на столе сохли кисти, у стены стоял свёрнутый баннер с чужим юбилеем, молодая женщина считала белые салфетки, перекладывая по десять.

— Проходите, — сказала Полина. — Денис сейчас поднимется.

— Вы уже исправили возраст?

— Да. Училище после рождения сына. Потом преподавание. Никаких двух лет до свадьбы.

Она протянула новый лист. Людмила сравнила первые строки со своим. Имя, отчество и год рождения теперь сходились. Слова «всегда поддерживала интересы сына» остались.

— Что у него за интересы?

— Он расскажет.

— Здесь написано, что я всегда их поддерживала.

Полина на секунду закрыла глаза.

— Людмила Сергеевна, вам не надо сдавать экзамен по его жизни. У нас сорок минут, чтобы познакомиться. Потом поедет.

Молодая женщина у салфеток незаметно улыбнулась. Людмила увидела, как та отвела глаза, и тоже улыбнулась ей — без обиды. Видимо, она уже успела стать трудной артисткой, а это было знакомое положение, из которого при желании легко вырастала целая роль.

Снизу хлопнула дверь. На лестнице раздались шаги, потом мужчина сказал кому-то: «Спасибо, донесу». Денис вошёл с картонной коробкой. На фотографии он казался выше; в комнате плечи выглядели шире, а лицо — моложе. Он не сразу нашёл, куда поставить коробку, и Людмила подвинула свою сумку со стула.

— Нет-нет, я на пол. Добрый день.

Он протянул руку и тут же отнял, заметив на пальцах полоску тёмной пыли.

— Сейчас.

Полина дала ему влажную салфетку. Он вытер руки, скомкал её, посмотрел в поисках урны.

— Под столом, — сказала девушка.

— Спасибо.

Только после этого они поздоровались. Ладонь у него была тёплая, рукопожатие осторожное. Людмила почувствовала короткое облегчение: человек, умеющий не сдавить пальцы незнакомой женщине, уже позволял начать разговор без защиты.

— Вы прямо как в записи, — сказал он.

— Обычно мне говорят обратное.

— Я не в этом смысле. Я вас узнал.

— Это хорошо. Сегодня придётся узнавать несколько раз.

Он засмеялся, опустил глаза и сел напротив. Полина придвинула к ним стулья, сама устроилась с краю. Девушка взяла стопку салфеток и ушла во вторую комнату, оставив дверь приоткрытой.

— Сначала простое, — сказала Людмила. — Как вы меня представляете?

— Мама. Елена.

— С отчества не надо?

— Елена Сергеевна. Вам так привычнее, да?

— Мне привычнее Людмила Сергеевна. Но я справлюсь.

Он посмотрел на Полину.

— Я понимаю, что это странно.

— Пока только понимаю, — ответила Людмила. — Сегодня вечером проверим.

Полина положила перед ним карточку и показала пальцем первую строку.

Денис стал рассказывать. Отец, Константин, давно на пенсии, прежде занимался оборудованием на производстве. Сейчас родители живут отдельно, но без большой ссоры, просто так удобнее. Сестра Екатерина работает в Петербурге, приехала на несколько дней. Дядя Лёва помогает Денису в деле, поэтому его знают все, кому вообще известно, чем Денис занимается. Про отца лучше не говорить «у тебя всё время завод»: тот работал в разных местах и не любит, когда его сокращают до одной проходной.

Людмила слушала, не заглядывая в лист. Какой-то порядок в этой семье был, и его можно было почувствовать раньше, чем запомнить.

— А вы с отцом на «ты»?

Денис поднял брови.

— Конечно.

— Я с ним на «ты»?

— Да. Простите. Конечно.

— Хорошо. Если я вдруг ошибусь, вы не пугайтесь. Исправлюсь сама.

Он улыбнулся. Улыбка у него получалась быстро и исчезала не сразу; ещё оставалась на лице, когда сам он уже думал о следующем вопросе.

— Про музыкальную школу, — сказала Людмила. — Я преподавала что?

— Фортепиано.

— А вы играете?

— Нет.

— Удобный сын.

— Я ходил недолго. Мне нравилось, что можно нажать всё сразу.

Он вдруг показал обеими руками, как маленький ребёнок обрушивается на клавиши, и засмеялся уже иначе. Полина что-то написала в блокноте. Людмила посмотрела на его руки: широкие пальцы, короткие ногти, на большом — ссадина, закрытая прозрачным пластырем.

— Это можно рассказать за столом?

— Можно.

— Какое пианино было?

Он помолчал.

— Коричневое. Название не помню.

— Если не помните, название нам не нужно.

Впервые за всё время он посмотрел на неё с благодарностью. Не за то, что согласилась, а за маленькое разрешение чего-то не знать. Людмила хорошо понимала эту благодарность и оттого насторожилась: на ней слишком легко строилась близость.

— А Вера? — спросила она. — Что ей нравится?

Денис отложил карточку.

Вера работала с книгами. Не писала их и не продавала редкости, а возвращала в порядок обычные семейные книги: меняла переплёт, подклеивала блоки, восстанавливала то, что ещё можно было сохранить. Однажды три недели возилась с растрёпанной кулинарной тетрадью, потому что хозяйке было важно оставить пятно на странице с пирогом. Денис предложил тогда просто сфотографировать всё и напечатать заново. Вера так на него посмотрела, что он больше не предлагал.

— Она вообще любит старое? — спросила Людмила.

— Она любит, когда можно пользоваться. Если вещь только ставить и бояться дышать, ей неинтересно.

— Это уже что-то.

— У неё дома чашки все разные. Я купил нормальный сервиз, а она из него гостям нали-
вает. Себе всё равно берёт ту, где ручка подклеена.

Он говорил о Вере с раздражённой нежностью, которая не нуждалась в карточке. Людмила поймала себя на том, что слушает как мать: хотелось согласиться с ней, слегка защитив его. Денис, видимо, заметил её выражение и замолчал.

— Вот так хорошо, — сказал он.

— Как?

— Как вы сейчас смотрели.

Она опустила глаза на лист.

Полина предложила пройти знакомство. Денис поднялся, воображаемо открыл дверь и произнёс:

— Мам, это Вера.

Людмила встала ему навстречу. Улыбнулась чуть раньше, чем подняла голову, будто имя было известно давно и только лицо появилось впервые.

— Наконец-то, — сказала она.

Денис перестал улыбаться.

— Нет, — тихо произнёс он. — Не надо «наконец-то».

— Хорошо.

— Она подумает, что я вас скрывал.

Полина повернула страницу блокнота. Людмила подождала, но Денис ничего не добавил.

— Тогда: «Здравствуй, Вера». И всё. Обнимать?

— Если она сама.

Они повторили. Во второй раз он смотрел не на Людмилу, а на пустое место перед ней. Там стояла Вера, которую он, должно быть, представлял гораздо яснее.

— Мне жаль, что я вас об этом прошу, — сказал он после.

Полина подняла голову.

— Денис, всё согласовано.

— Я знаю.

— Людмила Сергеевна профессионал.

— Это я тоже знаю.

Он посмотрел прямо на неё, и Людмила увидела усталость, которой на фотографии не было. Ей вдруг захотелось предложить простое: позвать Веру сюда, пока ещё нет столов, костюмов, оплаченного ужина. Сесть втроём и сказать. Дальше будет плохо, но хотя бы понятно кому.

— Ещё можно передумать, — сказала она.

Денис провёл пальцем по краю карточки.

— Я уже столько раз откладывал. Всё ждал, когда будет удобнее.

— А сегодня будет?

Он поднял взгляд, и она поняла, что он не просит у неё совета. Он просит, чтобы она помогла прожить сегодняшний день.

— Давайте хотя бы сегодня, — сказал он.

Она не ответила сразу. В соседней комнате зазвонил телефон; девушка сказала: «Да, сорок штук, я пересчитала». Обычная работа продолжалась в двух метрах от них, придавая происходящему форму обычной работы тоже.

Людмила села.

— Тогда ещё раз. Без «наконец-то».

* * *

Перед отъездом Полина показала порядок вечера. Большой сценарий оказался перечнем из семи пунктов: знакомство, короткий тост, еда, несколько семейных историй, десерт, подарки, прощание. Рядом были отмечены места, где разговору могла понадобится помощь.

— Я не буду подавать реплики через дверь, — сказала она. — Просто если повиснет пауза, вспомните что-нибудь из карточки. Или спросите у Тамары про Веру.

— У Тамары есть карточка?

Полина посмотрела на неё.

— В смысле? Это её настоящая дочь.

— Я поняла. Шутка не получилась.

Полина устало улыбнулась. Денис уже разговаривал по телефону у лестницы; до комнаты долетали слова «разъёмы» и «после семи не смогу». Он прикрыл рот ладонью, увидев, что на него смотрят, хотя ничего тайного, казалось, не говорил.

В пункте про десерт было написано, что мать встаёт за тортом. Людмила спросила, зачем ей обслуживать чужую компанию, если всё заказано заранее.

— Не обслуживать. Вынести, поставить, вместе разрезать. Домашний момент, — объяснила Полина. — Если будет неудобно, я сама. Там всё приготовят.

— Значит, это не обязательно?

— Конечно. Мы же не по секундам играем.

Людмила сложила листы. В нижнем правом углу телефона, когда она проверяла время, трещина на стекле поймала свет и показалась новой. Она провела по ней ногтем: всё та же, до края защитной плёнки не дошла. Полина посмотрела на часы.

— Такси через три минуты. Я уеду раньше, вы с Денисом познакомились, дальше спокойно сами. В гостинице Надежда вас встретит.

— Вы туда приедете?

— Да, мне по пути забрать коробку с посудой. Людмила Сергеевна, всё будет нормально.

Эту фразу она произнесла уже в дверях, поднимая с пола свой рюкзак, и потому она прозвучала почти убедительно.

Денис закончил разговор и помог Людмиле вынести сумку. Коробку он оставил в офисе; за ней должна была заехать Полина.

— Тяжёлая? — спросил он на лестнице.

— В ней нет ничего тяжёлого. Просто всё нужное.

На улице он открыл ей дверь машины. Водитель спросил адрес, хотя адрес уже стоял у него на экране. Людмила подтвердила и повернулась к Денису.

— До вечера.

— До вечера, мам.

Он сказал это негромко и тут же улыбнулся, показывая, что репетирует.

Людмила улыбнулась в ответ. Пока машина трогалась, он всё ещё держал ладонь на верхнем крае двери, уже закрытой, будто забыл убрать. Потом отступил.

По дороге она хотела ещё раз прочитать карточку, но убрала её, едва достав. За окном менялись ограждения, вывески, люди у остановок. Возле раскопанного участка мужчина в оранжевом жилете стоял с телефоном у уха и смотрел на землю так, словно от неё требовался ответ. Водитель ругнул ремонт, спросил, не торопится ли она, и, не дождавшись ответа, стал рассказывать, как вчера объезжал закрытый поворот.

Людмила слушала вполуха. Она примеряла фразу «Здравствуй, Вера» и каждый раз слышала в ней то, от чего Денис попросил отказаться. Наконец-то. Как давно мы ждали. Теперь всё будет хорошо.

Когда впереди появился нужный поворот, она открыла сумку, проверила листы и убрала телефон. Ей предстояло четыре часа не обещать больше, чем можно было сыграть.

Глава 3. Знакомые с детства

У дома было два входа, но со стороны дороги Людмила увидела только один. Над дверью висел светлый козырёк, у ступеней стояли два больших горшка с растениями, которые уже начали терять летний вид. Низкое здание не походило на гостиницу, пока она не заметила в окнах одинаковые шторы и маленькую табличку «Берёзовый свет».

Водитель остановился за воротами, возле свободного места на парковке.

— Здесь?

— Да, спасибо.

Он помог вынуть сумку, хотя она собиралась сделать это сама. Рядом с въездом стоял столб с камерой; вторая была прикреплена над входной дверью. Людмила подняла к ней лицо, привычно поправляя волосы, и только потом вспомнила, что никто не снимает её для афиши.

На телефоне было шестнадцать сорок. Она написала Полине: «Приехала».

В холле пахло тёплым хлебом и средством для мытья пола. Справа начинался коридор; возле его поворота мужчина в рабочей куртке придерживал дверь, пропуская женщину с двумя лотками. Прямо виднелась светлая столовая. Там двигали стулья, и один тянул по полу неприятную длинную ноту.

— Вы к Денису? — спросила женщина, появившись из столовой.

— Да.

— Елена Сергеевна?

Людмила задержалась на полшага.

— Да.

— Надежда. Я здесь управляю. Проходите, пока можно спокойно переодеться, если надо. Верхнюю одежду оставим здесь, сумку — как вам удобнее.

Надежда говорила деловито, но без хозяйской важности. На ней были тёмные брюки и мягкие туфли; ключи на коротком шнурке она убрала в карман, когда протянула руку. Людмила сняла лёгкое пальто, повесила его на плечики. Сумку решила оставить при себе.

— Мне только руки вымыть.

— По коридору направо. Мимо кабинета, дверь дальше. Не перепутайте с кухней, там сейчас всё занято.

Она показала рукой. Людмила прошла мимо приоткрытой двери кабинета: письменный стол, принтер, стопка чистых полотенец на стуле, высокий металлический шкаф. Дальше из кухни донёсся голос мужчины, которому не хватало места для лотка. У наружной двери стояла женщина в куртке и принимала пустые коробки; за её спиной был виден небольшой хозяйственный двор.

В туалете Людмила долго не могла заставить воду стать прохладнее. Кран поворачивался в обратную сторону от того, к чему она привыкла дома. Наконец она вымыла руки, промокнула лицо бумажным полотенцем и посмотрела в зеркало. Синее платье сидело хорошо. Под глазами было чуть темнее, чем утром. Она провела пальцем по краю помады и улыбнулась — не Вере, себе.

В столовой накрыли длинный стол на семерых. Скатерть была светлая, без оборок, посреди стояли две низкие вазы с ветками. Людмиле понравилось, что за цветами можно видеть человека напротив. На подоконнике лежали три запечатанные бутылки воды; у стены приготовили отдельный столик для чая. На одном месте стояла тарелка с отколотым краем. Надежда заметила её раньше Людмилы и молча заменила.

— Вы часто такие ужины устраиваете?

— Такие — не знаю. Семейные — бывает.

Людмила почувствовала, что её вопрос услышали точнее, чем хотелось.

— Я про маленькую компанию.

— Нам как раз удобно. Номеров шесть, большой банкет жильцам мешает. А когда весь дом берут, можно и музыку. Сегодня только столовая, поэтому до десяти.

Она поправила край скатерти и сказала, уже скорее себе:

— Хорошо, что без ведущего.

Людмила согласилась.

Полина приехала через несколько минут, неся картонную коробку перед собой. Из неё торчала бумага, которой переложили чашки. Надежда встретила её у дверей, обе сразу заговорили о чайнике, розетке и торте. Людмила услышала своё имя по роли, подняла голову, но оказалось, речь шла о месте за столом.

— Здесь? — спросила Полина.

— Здесь удобнее. Свет в лицо не бьёт, — ответила Надежда.

Людмила села на указанное место. Попробовала, как отодвигается стул, где можно оставить сумку. Слева от неё предполагался отец, справа — Денис. Пока эти два места были пусты, всё выглядело вполне осуществимым.

Первым пришёл отец.

Он появился в дверях с букетом, который держал слишком высоко, почти у подбородка. Седые волосы были зачёсаны в одну сторону, на пиджаке виднелась тонкая светлая нитка. Мужчина заметил Людмилу, замедлил шаг и посмотрел на Полину.

— Константин, — сказала та. — Елена Сергеевна уже здесь.

Он подошёл, наклонился и протянул цветы.

— Рад видеть.

Людмила встала. Они оба на секунду оказались в неудобном положении: он держал букет между ними, она не понимала, следует ли поцеловать его в щёку. Он решил первым и ограничился прикосновением к её локтю.

— Очень хорошо выглядишь, — сказал он.

Это прозвучало осторожно, словно он не знал, разрешено ли бывшему мужу такое говорить.

— Спасибо. Ты тоже.

Она взяла букет и незаметно сняла нитку с его рукава. Он посмотрел на её пальцы, потом на лицо и улыбнулся с таким облегчением, что Людмила сразу почувствовала себя увереннее. Видимо, Денис всё объяснил: чужая женщина здесь по необходимости, надо помочь ей не выглядеть чужой.

— В воду поставлю, — сказала Полина и забрала цветы.

Они остались вдвоём возле стола.

— Дорога нормально? — спросил мужчина.

— Нормально. У тебя?

— Я заранее вышел. С остановками сейчас такое дело: приедешь рано — постоишь, приедешь вовремя — опоздал.

Она засмеялась. Он явно обрадовался и поправил пиджак. На левом запястье у него были часы с потёртым кожаным ремешком. Край рубашки то закрывал циферблат, то открывал, и мужчина каждый раз одёргивал манжету.

— Денис ещё не приехал? — спросил он.

— Нет.

— Ну, значит, пока посидим.

Он отодвинул ей стул. Людмила села и спросила про дорогу ещё раз, другими словами. Мужчина ответил подробнее. Оказалось, он шёл часть пути пешком, потому что не хотел пересаживаться, потом всё-таки вызвал машину. В рассказе было много поворотов и мало необхо-

димости; она слушала с той степенью внимания, которую могла бы проявить женщина, знающая этот способ рассказывать много лет.

Полина принесла вазу и поставила букет у окна.

— Вы тут хорошо устроились, — сказала она.

Отец кивнул, будто его похвалили за работу.

Следом приехала сестра. Людмила услышала быстрые шаги, потом девушка в светлом жакете остановилась в дверях и окинула комнату взглядом. Тёмные волосы были собраны сзади, на шее — тонкая цепочка, в руке — большой бумажный пакет.

— Всем привет.

Она поцеловала Людмилу в щёку, коснулась плеча мужчины и поставила пакет возле чайного столика.

— Это не сюда, — сказала Полина.

— А куда?

— Пока в холл. Потом вынесем.

Девушка взяла пакет обратно. Людмила хотела помочь, но та уже развернулась.

— Катя, — позвала она.

Девушка остановилась чуть позже, чем следовало бы остановиться человеку на собственное имя. Людмила решила, что она просто устала с дороги.

— Как доехала?

— Хорошо. Спасибо.

Ответ был вежливый, почти гостиничный. Полина проводила её в холл и что-то сказала негромко. Когда они вернулись, девушка улыбалась.

— Mam, я сейчас только телефон заряжу. У тебя провод есть?

У Людмилы был. Она достала его из бокового кармана сумки. Девушка поблагодарила, присела у розетки и положила телефон на низкий подоконник. Через секунду снова взяла его, разблокировала и напечатала несколько слов.

— Работа? — спросил отец.

— Она.

— Врачам покоя нет.

Девушка подняла голову.

— Особенно по вечерам.

Он понимающе кивнул. Людмила посмотрела на её руки: короткие ногти, у основания большого пальца маленький след клея. Она вспомнила коробки и упаковки, которые постоянно таскала Полина, и решила, что сестра помогала готовить подарки.

Денис приехал вместе с дядей.

Дядя говорил ещё в холле, объясняя Надежде, что машину поставил так, чтобы никому не мешать, и если понадобится, переставит за минуту. Голос был низкий, чуть силовый. В столовую он вошёл с плоской коробкой под мышкой и сразу увидел свободное место у стены.

— Это пока сюда? Отлично.

Денис подошёл к Людмиле, наклонился и поцеловал её в висок. Она не успела подготовиться. Поцелуй получился коротким и неловким, как у взрослого сына, который отвык проявлять нежность при людях.

— Mam, всё нормально?

— Да, Деня.

Он посмотрел на неё. Она увидела, что попала, но не поняла куда.

— Хорошо, — сказал он и повернулся к остальным. — Сейчас Вера подъедет. Мама с ней.

— Твоя уже здесь, — заметил дядя.

— Её мама, Лёв.

— Да я понял. Привыкай уточнять, теперь их две.

Катя усмехнулась. Отец поднялся, пожал дяде руку. Людмила услышала «давно не виделись» и не стала пытаться угадать, сколько именно. Лев подошёл к ней последним.

— Елена Сергеевна.

— Лев.

— Можно Лёва, мы же свои.

Он пожал ей руку обеими ладонями и сразу отпустил. В его движениях была удобная уверенность человека, который умеет войти в незнакомое помещение и за пять минут сделать его рабочим. Он поправил качавшийся столик, подложив под ножку сложенную бумагу, предложил Надежде помочь с водой, нашёл для Полины ножницы в собственной коробке. Людмила заметила, что рядом с ним Денис перестал следить за каждой мелочью.

Отец попросил Льва кое-что уточнить. Они вышли к вешалке. Людмила потянулась к сумке за телефоном: нужно было выключить звук, пока не вспомнила об этом вся её настоящая жизнь. Когда она убрала аппарат, мужчины уже вернулись.

Вера с Тамарой пришли без шума.

Они остановились на пороге почти одновременно; мать чуть отступила, пропуская дочь. На Вере было зелёное платье простого покроя, на Тамаре — горчичная блузка и тёмная юбка. Тамара держала закрытую сумку перед собой обеими руками, словно готовилась пройти мимо чего-нибудь тесного.

Денис первым оказался возле Веры. Взял её за руку и подвёл к столу.

— Мам, это Вера.

Людмила поднялась.

— Здравствуй, Вера.

Она сказала только это. Вера смотрела прямо, с открытой, почти детской надеждой, которую взрослые обычно успевают прикрыть улыбкой. Людмила протянула руку. Вера взяла её и приблизилась сама; они обнялись коротко, плечом к плечу. От волос девушки пахло чем-то свежим и горьковатым.

— Очень рада, — сказала Вера.

— Я тоже.

Денис стоял рядом. Людмила не посмотрела на него.

Тамара назвала себя полностью, пожала руку крепко, но без попытки что-либо показать. Людмила представилась Еленой Сергеевной и неожиданно запнулась на отчестве. Тамара этого не заметила: уже пыталась пристроить сумку так, чтобы она не упала на пол.

— Давайте сюда, — предложила Людмила, придвинув соседний стул.

— Нет, спасибо, тут стоит. Я всё время потом забываю, куда поставила.

Знакомство продолжилось. Отец сказал, что давно хотел увидеть Веру; она ответила, что тоже очень ждала. Катя обняла её быстро, без церемоний, и спросила, удобно ли сидеть у окна. Лев предложил сразу перейти к еде, пока все ещё помнят, ради чего люди собираются за столом.

Это помогло. Денис отодвинул Вере стул, Тамара села напротив Людмилы, отец устроился слева от неё, Катя — по другую сторону Тамары. Лев занял оставшееся место ближе к двери.

Когда все расселись, стол перестал выглядеть подготовленным. На скатерти появились очки, телефон Тамары в бордовом чехле, салфетка, которую Катя свернула узкой полосой. Денис наливал воду и спрашивал каждого отдельно, хотя бутылка была одна. Вера придержала его за запястье, когда он начал наливать в уже полный стакан.

— Ты тоже садись.

Он сел.

* * *

Первый тост произнёс отец.

Он поднялся, поставил ладонь на спинку стула и начал с того, что дети вырастают незаметно. Людмила почти знала следующие слова, но он неожиданно рассказал про велосипед: купили большой, потому что на маленьком сыну оставалось ездить всего одно лето; дома выяснилось, что до педалей он дотягивается, а до земли — нет. Приходилось кому-нибудь стоять у подъезда, чтобы ловить его, когда возвращался.

— Мать боялась, — сказал он, повернувшись к Людмиле. — Помнишь?

Она улыбнулась. В карточке велосипед был потерян на даче. Это мог оказаться другой велосипед; у мальчика за детство их вполне могло быть два.

— Ещё бы, — ответила она.

— А он говорил: я же еду, зачем мне земля.

Денис опустил голову и засмеялся. Вера положила ладонь ему на плечо.

— Это очень похоже.

— Главное, — продолжил отец, — чтобы дома был кто-нибудь, кто поймает. За это и выпьем.

Людмила подняла стакан с водой. Рассказ получился хорошим. Она подумала, что ей повезло с партнёром: он не требовал от неё больших воспоминаний, оставлял места, где достаточно кивнуть. Это было почти тактично.

Тамара выпила немного вина и сразу поставила бокал подальше от края.

— А Вера наоборот, — сказала она. — Если куда поехала, ловить поздно. Я за ней бежала, а она ещё оборачивалась проверить, успеваю ли.

— Мам.

— Что «мам»? На велосипеде ты быстро научилась.

Вера улыбнулась, но Людмила заметила, что она уже готовится защищаться от продолжения. Тамара, к счастью, переключилась на еду: спросила, можно ли передать салат, и подвинула дочери чистую тарелку.

Денис говорил мало. Он смотрел на Веру, потом на Людмилу, потом снова на Веру, как человек, сравнивающий две части вещи, которые наконец подошли друг к другу. Лев заметил это и тронул его за плечо.

— Всё сошлось. Ешь.

— Я ем.

— Ты вилку двадцать минут держишь.

Катя посмотрела на часы. Полина, стоявшая у чайного столика, поймала её взгляд и едва заметно покачала головой. Людмила сделала вид, что ничего не увидела.

Вера спросила её о музыке.

Вопрос был простой: давно ли она перестала преподавать. Людмила назвала год из карточки. Вера сказала, что в детстве хотела учиться, но в посёлке, где они тогда жили, было далеко ездить. Теперь иногда думала начать сама, только всё откладывала.

— А что бы тебе хотелось играть? — спросила Людмила.

Вера смутилась.

— Не знаю. Наверное, это глупо — хотеть и даже не знать.

— Не глупо. Может быть, хочется не произведение, а сам звук под руками.

Она вспомнила собственные занятия, холодные клавиши, учительницу, которая просила не приподнимать плечи. Этого опыта хватало, чтобы сказать ещё несколько честных фраз от имени выдуманной женщины.

— Я могу названия тетрадей прислать, — начала она и тут же остановилась.

Вера оживилась.

— Правда? Было бы здорово.

Денис потянулся за хлебом.

— Мам, давай потом. Вы ещё успеете обо всём поговорить.

— Конечно, — сказала Людмила.

Слово «потом» повисло между ними. Она подвинула Вере блюдо и заговорила о её мастерской. Денис незаметно выдохнул.

Вера рассказала о книге, которую принесли в пакетике по отдельным листам. Хозяин уверен был, что потерял только обложку; когда стали раскладывать, оказалось, не хватает целой середины. Он предложил взять середину из другого издания, потому что история-то одна.

— А нельзя? — спросил отец.

— Иногда можно. Только у него другое издание было вдвое меньше размером.

— Значит, вложить.

Вера посмотрела на него и рассмеялась.

— Он так и сказал.

Отец развёл руками, довольный, что угадал. Разговор стал свободнее. Тамара спросила о сроках, Катя — сколько стоит вернуть книгу к жизни, Лев — не проще ли делать дорогие подарочные переплёты. Вера ответила каждому. На вопрос Льва — что проще, наверное, но ей интереснее, когда вещь потом пользуются.

Денис посмотрел на Людмилу. Она вспомнила, как Денис говорил то же самое у Полины, и едва заметно кивнула.

После горячего Лев вспомнил о коробке у стены.

— Пока не забыли. Это не главный подарок. Это чтобы вы утром не искали, из чего пить.

Денис потянулся открыть ленту, но узел затянулся. Лев достал из кармана складной нож с тёмно-оранжевой рукоятью, раскрыл короткое лезвие и подрезал ленту сбоку, придерживая коробку другой рукой.

— Ты всё с собой носишь? — спросила Тамара.

— Что не теряется, то ношу.

Он сложил нож и убрал обратно в карман брюк. Катя подвинула свою тарелку подальше, освобождая место для коробки. Внутри оказалась пара больших керамических чашек: одна с неровным синим кругом, другая с зелёным. Вера провела пальцем по глазури.

— Красивые.

— Разные, — сказал Денис и посмотрел на неё.

— Я заметила.

Они засмеялись вдвоём. Людмила вдруг почувствовала себя лишней при вполне обычном семейном обмене, и это было странное облегчение: хотя бы здесь её присутствие ничего не создавало.

Полина забрала упаковку. Лев предложил помочь вынести пустые бутылки, но Надежда сказала, что пока не нужно. Отец принялся рассказывать, как однажды на работе перепутали ящики с мелкими деталями и три человека весь день сортировали их вручную. Он объяснял разницу между двумя винтами, показывая расстояние большим и указательным пальцем. Тамара слушала серьёзно. Вера сначала пыталась понять, потом просто улыбалась.

— У папы всё заканчивается тем, что надо было подписать, — сказал Денис.

Отец остановился на полуслове.

— Потому что надо было.

Все засмеялись. Он тоже, чуть позже остальных.

Людмила потянулась за хлебом, передала корзинку Кате. Та взяла кусок, наклонила голову и вдруг сказала:

— Ты всё равно меня больше любишь.

Она смотрела на Людмилу. В голосе была шутливая обида младшей дочери, но глаза оставались внимательными, почти требовательными. Людмила на миг растерялась. Такой реплики в её двух листах не было.

Денис взглянул поверх телефона.

— Разберитесь без меня.

— Всех любят по очереди, — ответила Людмила.

Фраза вышла гладкой и пустой. Катя улыбнулась одним ртом и вернулась к хлебу. Тамара сказала, что у неё с одной дочерью и то бывали очереди. Разговор ушёл дальше, и Людмила осталась с неприятным чувством, будто пропустила простую подачу.

Денис продолжал смотреть в телефон. Его лицо менялось не резко; просто он перестал успевать возвращать улыбку после каждой чужой фразы. Вера тронула его за колено под столом. Он убрал аппарат экраном вниз.

— Извини. Работа.

— Сегодня можно чуть позже?

— Можно.

Лев предложил чай. Полина посмотрела на часы и сказала, что ещё рано, сначала надо дать людям доесть. Катя откинулась на спинку стула. Отец поправил манжету; часы на мгновение оказались целиком открыты.

Людмила поймала взгляд Веры. Девушка смотрела на неё без вопроса, просто с удовольствием, как смотрят на человека, рядом с которым оказалось легче, чем ожидалось. Людмила отвела глаза первой.

Ей вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь попросил ещё хлеба, соль, чистую вилку — что угодно, за чем можно было бы встать без объяснения. Но все сидели удобно, еда была перед ними, и ей оставалось продолжать удачный вечер.

Глава 4. После десерта

К началу восьмого Людмила устала улыбаться так, чтобы улыбка ничего не спрашивала.

За обычным столом можно было замолчать, посмотреть в окно, позволить чужому разговору пройти мимо. Здесь любое молчание могло оказаться материнской холодностью. Она всё время следила, кому сейчас нужен её взгляд, и потому почти не чувствовала вкуса еды. На тарелке оставался кусок рыбы; когда Людмила попробовала его, он уже остыл.

Вера рассказывала Тамаре, что в субботу собиралась заехать в мастерскую ненадолго, забрать готовую работу. Денис сказал, что отвезёт её после своих дел. Лев спросил, каких именно, и Денис ответил: «Пока не знаю». Вопрос ничем не отличался от десятка предыдущих, только после него Денис потянулся за телефоном раньше, чем тот зазвонил.

Звонок пришёл через несколько секунд.

Он взглянул на экран, сдвинул стул и сказал:

— Я на минуту.

Вера убрала ладонь с края его тарелки. Он уже шёл к двери.

Людмила проводила его глазами. В холле Денис остановился возле окна, повернувшись к столовой спиной. Дверь оставалась открытой, но слова не долетали: Полина гремела чашками, а Константин объяснял Тамаре, почему в некоторых домах даже в тёплую погоду бывает сыро. Он говорил о вентиляции. Тамара — о том, что сосед сверху редко бывает дома. Они не сразу обнаружили, что обсуждают разные причины.

Лев налил себе воды. Спросил у Веры про новые чашки, не слишком ли тяжёлые. Она взяла синюю, которую оставила рядом с тарелкой, и сказала, что хорошая.

— Её трудно опрокинуть, — заметил он. — Для нормальной жизни самое то.

— Я и лёгкие не опрокидываю.

— Значит, это Денису.

Она улыбнулась. Людмила увидела, как ей хочется вернуться к прежней лёгкости, и спросила, принесут ли они обе чашки домой или одну Вера заберёт в мастерскую. Вера стала выбирать. Из этого вышел небольшой разговор, в котором все успели высказаться, будто решался вопрос о том, кому где жить.

Денис вернулся, когда Полина уже поставила на отдельный стол чайник.

— Всё? — спросила Вера.

— Да.

Он не сел сразу. Наклонился к Льву, сказал что-то негромко. Лев поднял голову, ответил: «После поговорим». Денис задержал на нём взгляд, потом всё-таки занял своё место.

Катя сидела очень прямо. Рядом с её тарелкой лежал телефон, снятый с зарядки. Провод она свернула и положила возле сумки Людмилы.

— Спасибо, мам.

Людмила кивнула.

— Ты уже собираешься?

— Скоро.

— Я помню. Тебя никто не держит.

Девушка посмотрела на неё с неожиданной настороженностью.

— В смысле?

— Полина сказала, что тебе надо раньше. С дорогой.

Катя перевела взгляд на Дениса. Тот был занят Верой: она что-то спрашивала, прикрыв ладонью край стола, чтобы разговор оставался между ними. Он ответил коротко, и Вера убрала руку.

— Да, — сказала Катя. — С дорогой.

Людмила почувствовала, что снова попала не туда, и потянулась за проводом, хотя тот ей не мешал. Сложила его ещё раз, убрала в сумку. Когда подняла голову, Катя смотрела в телефон.

Лев посмотрел на загоревшийся экран своего телефона, поднялся и показал Денису, что тоже ненадолго выйдет. Через открытую дверь Людмила увидела, как он направился к главному входу.

Чай принесли в большом белом чайнике с тугой крышкой. Полина держала его через полотенце и спросила, кому сразу налить. Людмила предложила помочь: отодвинула пустую тарелку, взяла две чашки. Одна была горячая после ополаскивания, пришлось держать её за ручку на весу.

— Торт пора? — спросила Надежда из дверей.

Полина повернулась к Людмиле.

— Да. Сейчас мы...

— Я принесу, — сказала Тамара.

Она уже поднялась. Людмила попыталась поставить чашку, но чайник оказался над ней, и Полина начала наливать. Пришлось замереть, чтобы не пролить кипятка.

— Я сама, — повторила Тамара. — Где он?

— На кухне, я покажу, — ответила Надежда.

Они вышли. Полина долила чай, забрала полотенце и поднесла сахар. Людмила осталась сидеть. Край чашки был таким горячим, что она осторожно отодвинула её кончиками пальцев и вытерла салфеткой маленькую лужицу возле блюда.

— Вот и домашний момент, — тихо сказала она Полине.

Та устало улыбнулась.

— Всё хорошо.

Тамара вернулась с тортом на прямоугольной деревянной доске. Надежда шла следом, придерживая дверь локтем. Доска была шире тарелки, под которой лежала бумажная салфетка, и Тамара несла её обеими руками, прижав локти к бокам.

— Куда ставить?

Денис быстро убрал бутылку и чашку. Надежда отодвинула свободный стул у двери, чтобы дать Тамаре пройти. Та поставила доску перед Верой, выпрямилась и потёрла пальцы.

— Я думала, легче будет.

— Там подставка тяжёлая, — сказала Надежда. — Чтобы не уехал.

На торте не было фигурок, только светлый крем и ягоды. Людмила этому обрадовалась. После всех усилий сегодняшний жених заслуживал хотя бы не смотреть на собственную сахарную копию.

Вера попросила нож. Полина достала длинный кухонный нож, лежавший на блюде рядом с лопаткой, и подала рукоятку к ней. Денис встал возле невесты; они несколько секунд неловко решали, кто режет, потом он обхватил её руку. Тамара достала телефон.

— Пойдите так.

Катя отвернулась к окну.

Людмила смотрела на Дениса. Лицо у него стало почти прежним, но улыбка держалась усилием. Она узнала это напряжение слишком хорошо: если сейчас кто-нибудь скажет «ещё один кадр», будет трудно не выдать раздражения.

Тамара сделала один снимок и убрала телефон. Людмила почувствовала к ней благодарность.

Лев вернулся, пропуская в дверях Полину с чистыми тарелками. Сел на своё место и попросил ему тоже налить чаю.

Первый кусок положили Тамаре, второй — Людмиле. Вера сказала, что всем достанется, и улыбнулась Кате. Та поднялась.

— Денис, можно тебя?

Он посмотрел на неё, потом на оставшийся в руке нож.

— Сейчас?

— Да. На минутку.

Вера взяла нож у него и положила на блюдо. Денис вытер ладонь салфеткой.

— Конечно.

Они вышли в холл. Катя шла первой, придерживая телефон у бедра. Полина следила за ними, пока они не скрылись за дверью, потом резко отвернулась к чайнику.

Людмила попробовала торт. Крем оказался совсем не сладким, и это почему-то удивило её больше, чем всё остальное. Она собиралась сказать Вере, что вкусно, но девушка смотрела на дверь.

Из холла донеслось:

— Ты мне опять это говоришь.

Голос Кати был негромкий, но резкий. Следующие слова перекрыл звон чашки: Константин неудачно поставил её мимо блюда. Он поймал чашку за ручку, вода пролилась на скатерть. Тамара быстро подала салфетки.

— Ничего, — сказал он. — Ничего страшного.

Полина подошла с полотенцем. Людмила помогла убрать мокрое блюдо, и несколько секунд все занимались пятном. Когда разговоры стихли, в холле снова было слышно Катю:

— Тогда я сейчас скажу.

— Не здесь, — ответил Денис.

Дверь закрылась. Не хлопнула, просто её притянули до защёлки.

Вера положила вилку.

— Я выйду на воздух.

Константин поднялся вместе с ней.

— Я тоже. Тут жарко стало.

Она не возражала. Взяла телефон, но оставила сумку возле стула. Они вышли. Лев посмотрел вслед, потом на Людмилу.

— Бывает, — сказал он.

Она не поняла, про что именно, и промолчала.

Тамара спросила, не будет ли Вере холодно. Лев ответил, что у входа тихо, ветер с другой стороны. Людмила за весь вечер ещё ни разу не выходила и не знала, переменилась ли погода.

— Я ещё из машины кое-что заберу, — сказал он, поднимаясь. — Пока все разбежались.

Он забрал со стола свой телефон и вышел. Полина собирала пустые тарелки. Людмила предложила помочь, но та сказала, что это уже её работа.

За столом остались две матери.

Тамара подвинула к себе чашку и некоторое время помешивала чай без сахара. Ложечка звякала о край в одном и том же месте.

— Вера мне про вас мало рассказывала, — сказала она наконец.

Людмила поставила вилку на тарелку.

— Мы ведь только сегодня познакомились.

— Я понимаю. Денис рассказывал, конечно. Просто всё как-то... Не хотелось лезть.

Она посмотрела на дверь, потом снова на Людмилу.

— Мы тоже не сразу сошлись. Я сперва думала, слишком торопится он. А они уже больше года вместе, разве это торопится? Просто я привыкла, что она одна.

Людмила кивнула.

— Вера самостоятельная.

— Да. Очень. Иногда даже когда не надо.

Тамара улыбнулась и отодвинула ложечку.

— Она если поможет кому, потом не скажет, что устала. А сама неделю не спит. Я её прошу: ты хоть мне жалуйся. Так она и мне подбирает, чтобы не расстроить.

Людмила почувствовала, как разговор начинает искать в ней ответную жизнь. Сейчас следовало сказать что-нибудь о Денисе: каким он был, как вырос, чего боялся. Она могла рассказать про пианино. Могла повторить велосипед. Но Тамара смотрела так доверчиво и устало, что заранее приготовленная история показалась грубой.

— Иногда и пожаловаться трудно, — сказала Людмила. — Пока объяснишь, уже будто оправдываешься.

— Вот именно. Вы понимаете.

Людмила опустила глаза.

Полина вынесла тарелки через холл в служебный коридор. Дверь столовой осталась открытой. В щель было видно только часть окна и спинку кресла; того, кто проходил дальше к кабинету, Людмила со своего места не видела.

Снаружи кто-то засмеялся. Голос был мужской, но Людмила не успела узнать чей. Тамара повернулась к окну, поправила штору, не вставая, и сразу отпустила: с этого места вход всё равно не просматривался.

— Мы, наверное, рано за торт взялись, — сказала она. — Все теперь по кусочкам будут есть.

Людмила согласилась. Она уже не знала, сколько прошло времени. Вечер, который до этого держался на понятном порядке блюд и разговоров, распался на ожидание то одного человека, то другого.

* * *

Первым вернулся Лев.

В руках у него был узкий бумажный пакет. Прикрыв за собой дверь, Лев поставил пакет возле коробки с чашками, сел и попросил воды. На манжете рубашки темнело мокрое пятно; он заметил взгляд Людмилы и стряхнул с ткани каплю.

— Руки ополоснул, весь кран наружу льёт.

— У меня тоже не сразу получилось, — сказала она.

Он кивнул, отпил воды и посмотрел на стол.

— Денис где?

— Вышел с Катей.

— Катя уже ушла. Я видел, к воротам шла.

— Может быть, в холле, — сказала Тамара.

Лев поднял голову, будто прислушиваясь, но вставать не стал. Он достал из пакета небольшую коробку и придвинул к месту Дениса.

— Забыл отдать. Переходник ему нужен был.

Людмила не знала, какой переходник можно привозить на семейный ужин, и не спросила. В их собственной семье муж когда-то получал на день рождения сверло, которому радовался больше, чем новому свитеру. У людей, работавших руками, подарки бывали без торжественного вида.

Вера повернула дверную ручку и вошла одна.

Она села, отпила остывшего чая и спросила:

— Денис не приходил?

— Нет, — ответила Людмила. — А Константин?

— Сейчас будет.

Вера взяла телефон, набрала сообщение. Экран погас, она снова его включила. Тамара наблюдала за дочерью и ничего не спрашивала.

Почти сразу в холле раздался голос Кати:

— Я пакет заберу.

Полина ответила что-то слишком тихо. Дверь распахнулась, девушка появилась на пороге уже в пальто. Она смотрела сердито, но Людмила не понимала на кого.

— Он был у вешалки, — сказала Катя. — Большой, бумажный.

— Надежда могла наверх поставить, — ответила Полина, входя следом. — Сейчас найдем.

— Зачем его вообще трогать?

— Чтобы не мешал людям.

Катя сжала губы. Потом увидела провод, торчавший из сумки Людмилы, и сказала:

— Я ваш вернула.

«Ваш» прозвучало отчётливо. Тамара подняла глаза. Людмила поспешно кивнула, будто сестра говорила о какой-то общей семейной вещи, которую можно было вернуть обоим родителям.

Девушка отвернулась, и они с Полиной вышли. Через несколько секунд послышался шорох плотной бумаги.

Константин вернулся, застегивая пиджак. Посмотрел на пустое место Дениса, спросил, не собираются ли уже расходиться. Лев сказал, что жениха надо сначала найти, а то неудобно уходить без хозяина.

— Он, наверное, работает, — ответил Константин.

Вера резко посмотрела на него. Он заметил её взгляд и больше ничего не добавил.

Людмила наконец достала телефон. От Зои было сообщение: «Жилеты забрали. Деньги все. Твоё счастье как?» Она начала печатать «Пока идёт», стёрла, написала: «Позже позвоню». На экране сменились цифры — девятнадцать пятьдесят шесть.

Из коридора донёсся стук. Не громкий; словно упала на пол тяжёлая папка. Потом Надежда позвала:

— Денис?

Людмила подняла голову.

— Денис!

На этот раз голос был другой.

Вера вскочила первой. Стул задел стену, чашка покачнулась. Лев оказался у двери раньше, чем Людмила успела подняться. Константин отодвинул свой стул, освобождая ей проход. Тамара осталась на месте на одну лишнюю секунду, глядя вслед дочери, потом схватила сумку и пошла за всеми.

Дверь кабинета была открыта. Надежда стояла возле неё, держась одной рукой за косяк. На полу лежали бумаги, а дальше, рядом с письменным столом, Людмила увидела Дениса.

Он лежал на боку, неудобно подвернув руку. На рубашке темнело пятно. Вера опустилась рядом, произнесла его имя так тихо, что Людмила скорее увидела движение губ, чем услышала звук.

— Скорую, — сказал Лев. — Звоните скорую.

Надежда уже держала телефон, но пальцы скользили по экрану. Людмила достала свой, открыла набор и только тогда обнаружила, что не может сразу вспомнить адрес. Название гостиницы было у неё в переписке; точный адрес называл водитель. Она повернулась к Надежде.

— Говорите адрес.

Та назвала. Людмила повторила его диспетчеру, включила громкую связь и опустилась на корточки у двери, чтобы голос был слышен в комнате.

Диспетчер задавал вопросы. Вера отвечала невпопад, пыталась поднять Денису голову. Лев придержал её за плечо, попросил отойти. Она вырвалась.

— Не трогай меня.

Константин встал рядом с ней на колени.

— Вера, надо дать место. Слышите? Дайте мне место.

Он говорил ей на «вы». Людмила услышала это и сразу забыла, потому что диспетчер снова обратился к ней. Она передала вопрос, дождалась ответа, повторила в телефон. Никто из них не мог уверенно сказать, дышит ли Денис. Людмила смотрела на его грудь и не понимала, чего именно ждёт увидеть.

Дальше они делали то, что говорил голос из аппарата. Константин помог перевернуть Дениса на спину, отодвинул упавший стул и начал помогать по указаниям диспетчера. Рукава пиджака мешали; Лев снял с него пиджак и бросил на край стола. Вера стояла у шкафа, прижав ладони ко рту. Тамара обняла её сзади, но дочь даже не повернула головы.

Полина появилась в дверях с Катей. Девушка держала свой бумажный пакет. Людмила увидела, как она опустила его на пол, не выпуская ручек, и осталась так, согнувшись, будто забыла, зачем наклонилась.

— Отойдите из прохода, — сказал Лев.

Полина взяла Катю за локоть и вывела в холл. Сама вернулась.

— Я встречу машину.

Людмила кивнула, продолжая слушать телефон. Надежда стояла возле окна; потом словно очнулась, убрала со стула стопку полотенец и поняла, что это никому не нужно. Положила обратно, уже неровно.

В какой-то момент Константин поднял на Льва глаза.

— Смени.

Лев опустился рядом, и они поменялись местами. Константин отступил к стене, тяжело дыша. На правом колене брюк у него была тёмная полоса. Людмила смотрела на неё, потому что смотреть на Дениса больше не могла.

Снаружи послышался мотор. Полина крикнула, что здесь, сюда. По коридору прошли двое с сумками. Людмила поднялась слишком быстро; в глазах потемнело, пришлось опереться о косяк. Человек в форме попросил всех освободить комнату.

Вера осталась.

— Я с ним.

— Сейчас нужно выйти.

— Я не мешаю.

Тамара повернула её к себе, что-то сказала на ухо. Вера вдруг перестала сопротивляться и вышла, глядя перед собой. Лев поднялся с пола, пропустил медиков. Константин забрал пиджак со стола и прижал к груди, не надевая.

В холле было тесно. Катя стояла у вешалки; Надежда пыталась отпереть дверь на лестницу, чтобы дать людям больше места, но выбрала не тот ключ. Людмила убрала телефон. Диспетчер уже закончил разговор. На экране осталось время вызова, и оно казалось единственной твёрдой вещью во всём доме.

— Пройдёмте в столовую, — сказала Полина.

Никто не двинулся.

Из кабинета слышались короткие голоса и шорох упаковки. Вера смотрела на дверь. Тамара держала её за руку. Константин сел на край кресла, положил пиджак на колени и попытался разглядеть его ладонью. Лев стоял возле окна; на его лице Людмила впервые увидела возраст.

Катя подняла свой пакет и поставила рядом с креслом.

— Мне надо... — начала она и замолчала.

Полина повернулась к ней.

— Потом.

Входная дверь снова открылась. Пришли полицейские. Один спросил, кто вызвал помощь, другой — где находится мужчина. Людмила ответила на первый вопрос. Голос вышел ровным, почти рабочим, и от этого её затошнило.

Полицейский попросил назвать имя.

Она посмотрела на Веру. Та не слышала их, всё ещё глядя на дверь кабинета.

— Людмила Сергеевна Рощина, — сказала она.

Полина закрыла глаза.

Глава 5. Назовите настоящее имя

У стола администратора стоял стул с мокрым сиденьем. Кто-то пролил на него воду, и Людмила всё время замечала этот стул, когда взгляд возвращался из короткого коридора. Его следовало вытереть. Взять салфетку, пройти два шага, сделать то, что от неё сейчас точно могло зависеть.

— Сюда пока не надо, — сказал молодой сотрудник полиции.

Она не успела объяснить про воду. Он показал ей на скамейку у стены, где уже лежала её сумка, и снова повернулся к двери. Медик вышел из кабинета раньше, отвёл Веру с Тамарой в сторону и сказал, что Денис умер. Людмила услышала, хотя говорить собирались не ей. Теперь за дверью разговаривали негромко, и ничей голос больше не просил торопиться.

Вера сидела в столовой. Рядом была Тамара, а остальные оказались расставлены по дому так, что перестали составлять компанию. Денис ещё недавно пытался удержать всех за одним столом; теперь даже сходить за стаканом требовалось не туда, куда хотел, а туда, куда указали.

Людмила нашла в сумке паспорт. Синий край обложки зацепился за молнию, и она потянула слишком сильно. На пол посыпались мелочь, билет из автобуса и запасная булавка. Молодой полицейский наклонился поднять десятирублёвую монету, подал ей, а булавку оставил на полу: он её не заметил. Людмила смотрела на раскрытый паспорт и не могла вспомнить, зачем носит с собой булавку, хотя каждую неделю ею пользовалась.

— Вы мать? — спросил он.

— Нет.

Он посмотрел сначала на неё, потом на женщину у двери столовой. Полина стояла, обняв себя за локти.

— Рощина Людмила Сергеевна, — произнесла Людмила. — Я не мать Дениса. Меня пригласили на вечер.

— В качестве кого?

Она положила паспорт на край стойки, чтобы больше не держать его двумя руками.

— В качестве матери.

Сотрудник не улыбнулся. Он записал фамилию, попросил номер телефона и уточнил, кто её пригласил. На последнем вопросе Полина шагнула ближе.

— Это через меня. Я всё объясню, там договорённость...

— Вас отдельно спросят, — сказал он. — Подождите, пожалуйста.

Людмила почувствовала к нему благодарность, неожиданно сильную и почти обидную. По крайней мере, ей не придётся сейчас соглашаться с чужим объяснением только потому, что оно звучит увереннее её собственного.

Паспорт вернулся к ней. Молодой человек попросил оставаться здесь и не обсуждать друг с другом, кто где был. Разрешил позвонить домой. Она набрала Зою, дождалась двух гудков и сбросила: дома у неё не было Зои. Потом всё-таки набрала снова.

— Ты уже отработала? — спросила подруга.

— Здесь человек умер.

Зоя некоторое время молчала. На заднем плане стучала машинка, потом и она остановилась.

— Ты где?

Людмила назвала гостиницу. Название прозвучало так нелепо, что она закрыла глаза.

— С тобой что-нибудь?

— Нет. Я цела. Тут полиция. Я не знаю, когда вернусь.

— Денис?

— Да.

Она услышала, как Зоя положила на стол ножницы: металлический короткий стук, знакомый до смешного. Зоя спросила, нужно ли приехать, и Людмила впервые за вечер представила дорогу отсюда. Водитель, которому объясняют поворот; её подъезд; ключ, давно лежащий в боковом кармашке. Дверь дома не исчезла, хотя отсюда в неё было трудно поверить.

— Я сама позвоню, когда отпустят. Не жди на улице.

— Я пока дома. Телефон рядом.

На этом они попрощались. Людмила убрала аппарат, подняла булавку и застегнула сумку.

* * *

Мужчина, который назвал себя Игорем Стрежневым, пришёл к ней позже. На нём была обычная тёмная куртка; усталость проявлялась не в лице, а в том, как он немного задержался перед вопросом, прежде чем убедился, что обращается к нужному человеку.

— Людмила Сергеевна Рощина?

— Да.

— Следственный комитет. Пройдёмте, пожалуйста. Нам дали свободный номер, там можно спокойно поговорить.

В номере пахло сухим деревом и порошком. На заправленной кровати лежали два одинаково сложенных полотенца. Стрежнев повернул стул к небольшому письменному столу, предложил ей сесть и назвал ещё одного сотрудника, который оставался с ними. Людмила повторила фамилию про себя, но тут же забыла. Она попросила воды, хотя внизу почти не выпила принесённую.

Сначала Стрежнев объяснил ей порядок разговора и права. Говорил без нажима, проверяя, поняла ли она. Слова про адвоката заставили её выпрямиться.

— Я что-то нарушила?

— Я разъясняю вам права. Сейчас нам нужно установить, что произошло. Если не знаете ответа, так и говорите. Если хотите пригласить адвоката — скажите.

— Мне надо будет подумать.

— Можно подумать. И можно попросить перерыв.

Она взяла стакан. Вода оказалась комнатной, и это помогло: хотя бы здесь не требовалось ждать, пока остынет.

Стрежнев начал с её знакомства с Денисом. Где она была, когда впервые встретила с ним, какие сообщения получила. Людмила ожидала, что его заинтересует минута, когда она услышала крик, но он терпеливо слушал про встречу с Полиной накануне, гонорар, листы с биографией. Ей пришлось второй раз произнести сумму. Во второй раз она прозвучала почти буднично.

— Тридцать тысяч за весь заказ, десять авансом. Двадцать ещё не перевели.

— Кто переводил аванс?

— Полина Шаталова.

— До этого работали с ней?

Людмила рассказала о нескольких мероприятиях. На одном читала поздравление от лица исторического персонажа, на другом проводила игру для взрослых. Стрежнев уточнил, знали ли участники, что она актриса.

— Знали.

— А сегодня?

— Сегодня невеста и её мать не знали.

— Другие присутствовавшие?

— Я думала, знают.

Он не записал её ответ сразу.

— Почему думали?

Людмила открыла рот, чтобы сказать: потому что это его семья. Вместо этого попросила дать ей минуту и полезла в телефон.

Экран не сразу узнал палец. В нижнем правом углу от старой трещины расходились светлые волоски; они ничуть не изменились, но сейчас мешали сильнее обычного. Она нашла переписку с Полиной и показала начало.

— Здесь про состав. Остальное она говорила при встрече.

Стрежнев попросил не листать дальше, пока они не договорятся, как зафиксировать сообщения. Он не забрал аппарат себе просто потому, что тот оказался рядом. Они уточнили, какой разговор она готова показать, и сотрудник записал данные. Потребовалось объяснить и смешную фотографию из предыдущего заказа, и короткое «да», относящееся вовсе не к сегодняшнему ужину. Людмила несколько раз хотела перемотать через лишнее, но Стрежнев останавливал её: ему было нужно видеть, к какому сообщению относился ответ.

Когда дошли до фотографии Дениса, она вдруг сказала:

— Он был жив, когда это прислали.

Стрежнев подождал.

— Простите. Я понимаю.

— Всё в порядке.

Ей хотелось попросить его сказать ещё что-нибудь таким тоном, но он уже спросил о времени приезда.

Людмила рассказала ужин. Без остановки получилось только начало: кто вошёл, куда сел, что сказали о доме. Дальше воспоминания всё время задевали прочитанные листы. Она знала, где в истории должен был появиться потерянный велосипед, но не сразу могла вспомнить, действительно ли за столом говорили о нём. Стрежнев не торопил. На вопрос о тостах она ответила, а на следующий — кто при этом выходил — уже не смогла.

— Мне казалось, я за всеми смотрю.

— На человека можно смотреть и не заметить, как он вышел.

Это была первая фраза, которая не показалась ей ни вопросом, ни частью положенного объяснения. Она подняла глаза. Стрежнев ждал конкретного ответа, и она снова сказала, что не помнит.

О соре в холле Людмила рассказала подробнее. Назвала девушку Катей.

— Как она представилась именно вам?

— Екатерина. Его сестра.

— Полное имя или фамилия были в задании?

— Кедрина. Наверное, было. Надо посмотреть.

Он вернул её к собственным словам и попросил повторить то, что она действительно слышала. Людмила не стала воспроизводить интонацию девушки. Впервые за много лет ей показалось неприличным, что это так легко получалось: немного поднять подбородок, убрать из голоса мягкость, и чужое раздражение уже принадлежало ей.

— Мне показалось, они о чём-то не договорились, — сказала она. — Она сказала: «Ты мне опять это говоришь». Потом: «Тогда я сейчас скажу». Денис ответил: «Не здесь». Между этим я ничего не разобрала, у нас чашка упала. Вернее, не упала, Константин её поймал, но вода пролилась.

— Вы подходили к ним?

— Нет.

— Видели, куда он ушёл после?

Она задумалась и вместо ответа посмотрела на дверь гостиничного номера. За ней кто-то прошёл. Кажется, тяжёлые шаги принадлежали Льву; нет, она не могла знать даже этого.

— Нет. Я решила, что он вернулся к ней. Или пошёл позвонить. Не видела.

Стрежнев записал.

Они вернулись к десерту, к чашкам, к тому, где стояла Людмила. Она объяснила, почему осталась за столом, и сказала, что торт принесла Тамара. Тут ответ дался без усилия: помнилось, как прямоугольная доска не помещалась между тарелками и пришлось освободить место. Стрежнев спросил, кто помогал. Людмила назвала только тех, чьи руки действительно могла вспомнить.

Позже она не сумела бы сказать, сколько продолжался разговор. Несколько раз его прерывали: Стрежнева звали к двери, он выходил, потом возвращался и каждый раз начинал с вопроса, нужно ли ей отдохнуть. На третьем таком предложении она согласилась. Встала и прошла до окна. Там отражалась аккуратная кровать, на которую никто сегодня не собирался ложиться.

Когда ей дали прочитать записанное, Людмила нашла ошибку в собственном рассказе. Получилось, будто Денис представил ей всех гостей до ужина. Но с отцом и сестрой она познакомилась ещё до его приезда, отца назвала Полина. Денис подвёл к ней Веру. Она указала на строку.

— Вот здесь я не так объяснила.

Стрежнев уточнил формулировку. Исправление заняло больше места, чем исходная фраза. Людмила дочитала до конца медленно, подписала и только потом заметила, что всё это время держала ноги вместе, как на прослушивании.

— Я могу домой?

— Когда уточним последние вопросы. Ненадолго спуститесь, пожалуйста. Контакт мой у вас есть. Если вспомните существенную подробность, сообщите. И сохраните исходные файлы, не переписывайте их для удобства.

Она кивнула.

— Я знаю, как сохранить текст.

Стрежнев посмотрел на её телефон.

— Тогда сохраните и то, что вокруг текста.

* * *

В холле девушка, которую весь вечер называли Катей, застёгивала пальто. Сотрудник сверял запись с её паспортом.

— Дарья Александровна Бурова. Дата рождения верно?

— Верно.

Людмила остановилась на последней ступеньке. Девушка увидела её, выдержала взгляд и отвернулась.

Внизу было уже холоднее. Дверь часто открывали, со двора тянуло сыростью; кто-то принёс рабочую лампу, и она горела у начала коридора слишком белым светом. Полина сидела на той самой скамейке, где прежде лежала сумка Людмилы, и складывала бумажную салфетку в узкую полоску.

— Катя — тоже? — спросила Людмила.

Полина перестала складывать.

— Здесь не надо сейчас.

— Что не надо?

— Я уже объяснила следователю. Я никого не просила скрывать от полиции. Людмила Сергеевна, я и вас не просила.

С другого конца холла подошёл отец Дениса. Сейчас он держал в руке паспорт, и Людмила посмотрела на книжечку прежде, чем на его лицо.

— Геннадий, — сказал он. — Дубов. Я хотел раньше, но...

Он не закончил. Людмила подумала, что сейчас он опять найдёт хорошее, совершенно человеческое объяснение и она опять ему поверит. Это рассердило её сильнее, чем лицо Полины.

— Вы тоже на вечер?

— Да.

— И знали про меня?

— Нет. Мне сказали, что у отца проблема, только я заменяю. А вы... что вы в курсе.

Дарья услышала и коротко засмеялась, отступая от стойки с паспортом.

— Прекрасно. У нас у каждого была проблема с отцом.

— Даша, — сказала Полина.

— Что Даша? Вы же мне говорили: сестра не приедет, остальные свои. Я вообще-то старалась не испортить людям семью.

Она посмотрела на Геннадия, потом на Людмилу. На миг её лицо стало совсем молодым, с открытой растерянностью, которую она тут же убрала, подняв подбородок.

— А дядя?

Лев стоял ближе к входу, разговаривал с сотрудником и услышал своё обозначение. Подошёл не сразу: закончил ответ, дождался, пока тот запишет.

— Я Дениса по работе знал. Давно.

— Но не дядя, — сказала Людмила.

— Не дядя.

— И сколько нас?

— Вы уже все здесь, — ответил он.

Фраза, вероятно, была самой простой из возможных. От неё Людмила вдруг почувствовала, как тесно в холле: четыре чужих человека, которым не хватало места, чтобы больше не стоять семьёй.

Из столовой вышла Тамара. Людмила не знала, сколько она услышала. Горчичная кофточка на ней была помята у локтей, одна серьга исчезла; Тамара держала вторую в ладони и, кажется, не замечала.

— Вера просит вас не подходить, — сказала она.

Никто не спросил, к кому именно относится просьба.

— Если она... — начала Людмила.

— Ей ничего сейчас от вас не нужно.

Тамара не повысила голос. Спрятала серьгу в карман, повернулась и пошла обратно, осторожно переступив провод лампы. Полина тихо произнесла «мне очень жаль», но Тамара уже закрыла дверь.

После этого говорить стало невозможно. Когда полицейский попросил их разойтись и подождать порознь, никто не возразил.

* * *

Перед отъездом Вера стояла у главного входа, прижав руки к бокам. На ней была куртка, но она всё равно дрожала. Геннадий хотел принести ей стул; Людмила достала из сумки серый шерстяной палантин и протянула ему.

— Спросите, может быть, это возьмёт.

Он подошёл. Вера сказала что-то, чего Людмила не услышала, и покачала головой. Геннадий вернулся, держа палантин перед собой сложенным вдвое.

— Не надо ей.

Людмила хотела забрать, но её позвали к стойке: требовалось уточнить номер телефона для следующего разговора. Она показала Геннадию на сумку, уже закрытую и стоявшую у его ног.

— Держите пока. Я сейчас.

Когда она вернулась, Тамара с Верой садились в машину. Лев помог открыть заднюю дверь и отступил, едва Тамара махнула рукой. Вера не посмотрела на гостиницу. Полина осталась у входа, как человек, который не сумел проводить гостей с собственного праздника.

Людмиле позволили уехать после ещё одного короткого разговора. Её предупредили, что могут вызвать для подробного допроса; она записала время, когда нужно быть на связи. Геннадий предложил довезти, но машины у него, как выяснилось, не было: он имел в виду совместное такси.

— Не надо, — сказала Людмила. Потом добавила мягче: — Зоя за мной приедет.

Она позвонила подруге и только тут поняла, как устала. Пока объясняла, где повернуть, Геннадий накинул палантин на собственную руку, чтобы тот не свалился в грязь.

— Я вам привезу, — сказал он после звонка. — Завтра. Всё равно в город.

— Вы же и так в городе.

— Я имел в виду ближе к центру.

У него не получилось улыбнуться. Людмила продиктовала адрес и попросила заранее позвонить. Он достал телефон, набрал, дождался, пока у неё загорится экран. Она сохранила его как «Геннадий Дубов», проверила фамилию ещё раз и убрала телефон.

Зоя приехала с соседом за рулём. В машине пахло хлебом: на заднем сиденье лежал пакет, который сосед собирался утром отвезти матери. Он молча переложил пакет в багажник, а Зоя открыла Людмиле дверь.

— Платье жалко, — сказала Людмила, сев.

— Что с ним?

— Ничего. Просто теперь...

— Снимешь дома. Я повешу.

Машина тронулась. Людмила хотела объяснить, что дело не в платье, но Зоя уже расстёгивала ей верхнюю пуговицу пальто — та попала не в свою петлю, и край тянул шею. Она остановила руку подруги, сама перезастегнула пуговицу и посмотрела в окно.

На выезде водитель спросил, куда теперь.

Людмила назвала свой адрес.

Глава 6. Два отца

Утром Людмила проснулась от того, что в кухне щёлкнул холодильник. Некоторое время лежала, стараясь определить, какой сегодня день. На субботу было запланировано посмотреть зал с Зоей, потом купить лампу, у которой свет не бил бы ей в глаза. Обе задачи казались чужими, хотя составляла список она сама.

Синее платье висело на дверце шкафа. Ночью Зоя всё-таки сняла его с плеч Людмилы, расправила рукава и забрала с пола туфли. Помогать она умела так, что потом не оставалось ничего, за что нужно было отдельно поблагодарить. На столе стояла кружка с половиной остывшего чая. Людмила вылила его, долго ждала, пока из крана пойдёт холодная вода, и вспомнила пластиковый стакан в гостиничном номере.

Телефон лежал рядом с кроватью на зарядке. Зоя написала, что проснулась, и попросила не думать о зале до обеда. В другой переписке был вопрос от женщины, которая собиралась привести мать на занятие: можно ли пожилому человеку сидеть у двери, чтобы не мешать, если понадобится выйти.

Людмила ответила, что можно. Прочла свой ответ и добавила, что выходить разрешается с любого места. Эта маленькая поправка вернула ей способность заняться завтраком.

Она разбила яйцо на сковородку, обнаружила, что хлеб закончился, и достала из морозилки две старые булочки. Раньше муж смеялся, что у них там хранится последний ужин всей цивилизации. Шесть лет она то перебирала эти запасы, то снова складывала хлеб на потом. Сегодня положила булочки в духовку, выставила таймер и только после этого открыла сообщения от Полины.

Их было три. В первом Полина спрашивала, доехала ли она. Во втором просила до подробного разговора не писать об ужине публично. В третьем, отправленном утром, стояло: «По деньгам всё в силе. Свяжусь после двенадцати».

Людмила набрала: «Доехала». На два других пока не ответила.

Геннадий позвонил, когда яйцо уже прилипло к сковородке.

— Извините, рано? Я ваш палантин привёз. Могу внизу оставить, если спите.

— Кому внизу?

— Ну, у вас, наверное... Я не знаю. Вы скажите, как удобнее.

Она посмотрела на плиту. При выключенном огне яйцо продолжало тихо трещать.

— Поднимайтесь. Только я не одета как вчера.

— Я тоже.

Он действительно был другим. В сером свитере, с мягкой курткой через руку, стоял у двери и держал плоский пакет. Седые волосы, которые накануне лежали ровно, торчали над одним ухом. Не будь этих волос, она могла бы принять его за мастера, которого забыла вызвать.

— Здравствуйте. Вот. Я не стирал, потому что не знаю, можно ли.

— Можно. Но не надо было бы всё равно.

Он протянул пакет и остался на площадке. Людмила отступила, освобождая проход. Геннадий вошёл, вытер ноги сначала о наружный коврик, потом ещё раз о внутренний.

— Тапочки дать?

— Мне бы свои ноги правильно поставить.

Он нагнулся к ботинкам. Людмила повесила куртку, а пакет положила на тумбочку. Палантин лежал внутри аккуратным четырёхугольником, словно Геннадий готовил его к возврату гораздо дольше, чем нужно было просто сложить.

На кухне он остановился у порога, оглядел стулья и выбрал тот, на котором не лежала её домашняя кофта.

— Завтракали? — спросила Людмила.

— Дома чай пил.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

Она поставила вторую чашку. Из духовки пахло нагретым хлебом, но верх булочек ещё оставался бледным. Геннадий снял очки, протёр их краем платка и надел снова.

— Я ночью подумал: мы с вами ещё по-человечески не знакомы.

— Геннадий Дубов. Я записала.

— Я не про фамилию. Раньше наладчиком работал. Потом разное было. Сейчас на пенсии, но дома всё время не сижу. В хоре пою.

— В каком?

Он назвал любительский коллектив при одном из городских клубов. Людмила знала руководительницу: однажды они делили гримёрную на празднике и не смогли договориться, чей электрический чайник можно включать одновременно с утюгом.

— А вы там давно?

— Третий год. Я бы и раньше, жена смеялась: голоса нет, а опоздать на репетицию уже боишься. Она... два года как умерла.

Он произнёс последнюю фразу осторожно, как будто Людмила могла её неправильно принять. Она достала из духовки булочки и поставила противень на подставку.

— Мой шесть лет назад.

Геннадий посмотрел на её левую руку, затем быстро на чайник.

— Извините.

— За что?

— Ну, я не знал.

Людмила разрешила булочку. Середина оказалась холодной. Она снова положила обе половинки в духовку, а яйцо оставила на сковороде: теперь оно могло подождать ещё немного.

— Как вас Полина нашла?

— Через хор. Нам летом требовалось, чтобы кто-нибудь мероприятие вёл. Она пришла. Потом спросила, не хочу ли я отдельно... У меня голос, говорит, располагающий. Я не сразу понял, к чему именно.

Он попытался улыбнуться, но она не поддержала шутку, и Геннадий продолжил серьёзнее.

Ему обещали двадцать две тысячи. Половину перевели заранее. Сначала речь шла о родственнике на встрече, потом появился отец, которого невозможно привезти. Геннадий спросил, не болен ли тот; Полина ответила, что подробности лучше не трогать. Он решил, что настоящему отцу стыдно показаться или что сын сам его стыдится. Последний вариант Геннадию особенно не понравился, но он всё равно согласился.

— Почему? — спросила Людмила.

— Деньги были нужны.

— Всем нужны.

Он повертел ложку.

— Я хотел сыну помочь с ремонтом. Он не просил. Я сам сказал, что дам на окна. Потом посмотрел, сколько они стоят... У меня в голове всё ещё старые цены, знаете. Я назвал сумму раньше, чем узнал настоящую.

Таймер позвонил. Людмила вынула хлеб, выключила духовку и переложила булочки на тарелку. Геннадий поднялся, собираясь подать что-нибудь, но не нашёл себе дела и снова сел.

— Сколько сыну?

— Тридцать пять. Почти как Денису. Павел.

Он произнёс имя с облегчением: наконец за разговором появился человек, которого действительно можно было назвать.

Павел работал, жил отдельно, не хотел, чтобы отец обещал больше возможного. Они не ссорились о деньгах прямо. Павел говорил, что разберётся сам, Геннадий слышал в этом отказ от помощи, потом настаивал, потом выяснялось, что нужной суммы у него нет. На этом месте Геннадий замолчал и начал мазать булочку маслом слишком тщательно, до самого края.

— Вы ему сказали, где вчера были?

— Что на работе.

— Это правда.

— Правда. Только если я ему расскажу, какая работа, он скажет, что мог бы обойтись без таких окон.

Он откусил хлеб. Людмила наконец переложила яйцо на тарелку, разделила его лопаткой и поставила перед ним половину.

— Я не...

— Ешьте. Уже всё равно приготовлено.

Некоторое время они ели молча. От этого разговора Людмиле стало легче и одновременно стыднее: ей был нужен кто-то, с кем можно было посидеть после вчерашнего, а Геннадий пришёл возвращать вещь и оказался обязан предъявить ей свою жизнь. Она спросила, какой у них репертуар, и он оживился. Рассказал про нового хормейстера, который всё время убирал у мужчин громкость и никак не мог объяснить, зачем им тогда вообще дали басы. Эта жалоба прозвучала так искренне, что Людмила рассмеялась.

Геннадий улыбнулся в ответ. Впервые за утро ему не понадобилось добавлять к улыбке объяснение.

* * *

После завтрака он заметил, что у одного из стульев разболталась спинка. Людмила знала об этом с весны и всякий раз предупреждала гостей. Сегодня предупредить забыла; Геннадий, откинувшись, качнулся вместе со спинкой и тут же встал.

— Отвёртка найдётся?

— Найдётся. Но вы не обязаны.

— Я знаю. Там, возможно, просто подтянуть.

Она принесла жестяную коробку с инструментами. Внутри лежали две отвёртки, плоскогубцы, ключ от давно выброшенного велосипеда и пакет с винтами, на котором муж написал: «Не терять». Геннадий отодвинул пакет, выбрал отвёртку и перевернул стул на бок.

— Вот видите. Здесь ослабло, а вы наверняка только сверху пробовали.

— Я вообще не пробовала.

— Тогда я напрасно на вас.

Он устроился на корточках. Работа заняла меньше времени, чем разговор о ней, но, когда он поставил стул и нажал на спинку ладонью, Людмиле показалось, что в квартире стало чуть надёжнее. Она тут же рассердилась на это ощущение. Человек подтянул два винта; он не мог заодно исправить вчерашний вечер.

Геннадий вытер руки салфеткой и спросил, не звонили ли ей из следственного отдела.

— Пока нет. Вам?

— Уточняли, когда смогу подъехать. Я сказал, в любое время. Ведь я весь вечер с людьми был.

Людмила подняла чашки, поставила в раковину.

— Все с людьми были.

— Я имею в виду, один почти не оставался. За столом, потом с Верой. Потом обратно. Вы же помните.

Она помнила, как он рассказывал о заводе, как держал чашку за самый верх ручки, как посторонился, пропуская Веру. Эти движения были ясными. Между ними оставались пустоты, но пока Геннадий говорил, пустоты удобно заполнялись его голосом.

— С Верой вы долго стояли?

— Ну, минут... Не знаю. Недолго. Она вышла, я тоже вышел. Ей не по себе было. Я подумал, отцу полагается...

Он остановился.

— Тогда ещё думал, что отец у него настоящий, просто не смог.

— О чём она вас спросила?

— О Денисе.

— Что именно?

Геннадий сел на исправленный стул и испытал спинку ещё раз, уже собственным весом.

— Почему он всё время говорит, что со всем разберётся, а потом не рассказывает, как. Это я, может быть, не точно передаю. Но смысл такой. Я сказал, что мужчины иногда сначала хотят сделать, а потом уже говорить.

Людмила посмотрела на него. Геннадий понял взгляд и отвернулся к окну.

— Да. Я тоже.

Ей хотелось спросить, что он ещё ей сказал. В голове сразу возникла Вера, слушающая чужого отца и выбирающая, чему поверить. Но Геннадий уже вернулся к собственному рассказу.

— Мы возле входа стояли. Там же камера. Я даже подумал: хорошо, что камера. Потом она внутрь, я следом. А дальше у нас торт. Или торт уже был? Я не ел, потому и...

— Уже был.

— Значит, после торта. Я к окну подошёл. Вы там тоже рядом были.

Людмила открыла рот. Она действительно могла оказаться у окна. В столовой было всего несколько мест, где можно стоять, не мешая людям проходить. Но откуда возникло это «рядом», она не поняла.

— Геннадий, подождите.

Он замолчал.

— Вы меня сейчас спрашиваете или говорите, что видели?

— Я пытаюсь вспомнить.

— Я тоже. И не помню вас у окна.

Он чуть подался назад.

— Я не говорю, что вы обязаны.

— Я понимаю. Просто, если сейчас соглашусь, потом буду вспоминать, что уже согласилась. А не окно.

Геннадий провёл пальцем по краю стола. На полированной поверхности остался влажный след от чашки; он хотел стереть его салфеткой, но Людмила пододвинула подставку, и оба неловко остановились.

— Мы же не могли это сделать, — сказал он.

— Я знаю про себя.

Она пожалела об ответе, едва услышала его. Геннадий выпрямился, словно она предложила ему уйти.

— Я никого не убивал.

— Я не сказала, что вы убивали. Но я не могу сказать, где вы были каждую минуту. И вы про меня не можете.

За стеной заработала дрель. Они оба повернули головы к одному и тому же месту, и это простое совпадение вдруг показалось Людмиле спасительным: вот это они действительно слышали вместе. Сейчас. Ни у кого не было оснований заполнять этим звуком весь день.

Геннадий взял телефон.

— Я запишу, что помню. Сам.

— Хорошо.

— А вы своё.

Она не стала отвечать «конечно». Их разговор уже однажды привёл к месту, где согласиться было слишком легко.

* * *

У Геннадия зазвонил телефон, пока он обувался. На экране высветилось «Паша». Он посмотрел на Людмилу, словно та могла решить, стоит ли брать трубку, потом ответил.

— Да. Я помню.

Людмила отошла на кухню, но дверь не закрыла. Голоса сына слышно не было.

— Нет, не забрал пока. Я сейчас съезжу... Паша, там человек умер. Я тебе потом объясню.

Пауза.

— Не мой. В смысле, не родственник. Я там работал.

Он заговорил тише. Людмила посмотрела на палантин, который так и лежал на тумбочке в пакете. Из кухни было видно только его угол. Вчера она отдала Геннадию эту вещь, потому что сама не решилась подойти к Вере; сегодня он привёз её и сел за стол, где каждая вторая фраза опять предлагала ему быть чьим-то отцом.

— Я не обещаю, — сказал он в трубку. — Я спрашиваю, ещё нужно или ты уже сам.

На этот раз ответ сына был длинным. Геннадий слушал, поставив одну ногу на пятку, потому что не успел надеть ботинок до конца.

— Хорошо. Тогда не поеду. Позвони вечером, если сможешь.

Он закончил разговор и нагнулся к шнурку. Людмила вернулась в прихожую с его курткой.

— Что-то надо было забрать?

— Краску. Он вчера просил, я сказал, успею утром. Уже забрал сам.

Она протянула куртку. Геннадий просунул руку в рукав, потом другую и вдруг сказал:

— Спасибо за завтрак.

— Спасибо за стул.

Он посмотрел на неё с той осторожностью, с какой входил. Она могла бы пригласить его ещё когда-нибудь. Это было бы вежливо, возможно, даже приятно им обоим. Вместо этого сказала, что он может позвонить, если понадобится вернуть разговор к тому, что действительно помнит.

— А если не про вечер? — спросил Геннадий.

Людмила задержала руку на дверной ручке.

— Тогда тоже можно. Только сначала представьтесь.

Он улыбнулся.

— Дубов. Я уже запомнил.

После его ухода она вынула палантин из пакета, повесила на спинку исправленного стула и открыла свой блокнот. Написала сверху дату, затем несколько событий, в которых была уверена. Между вторым и третьим оставила половину страницы.

Дрель за стеной смолкла. Из холодильника опять донёсся щелчок, и Людмила поднялась заварить свежий чай.

Глава 7. Двадцать тысяч после ужина

К Полине Людмила поехала после обеда. По телефону разговор всё время срывался: то у Полины спрашивали, где лежат удлинители, то у Людмилы кончались слова, которыми можно было ответить на деловое «нам надо закрыть вчерашнее». Она согласилась встретиться на полчаса и по дороге обнаружила, что несёт с собой оба листа с биографией Елены, хотя утром решила их больше не читать.

Внизу, у магазина крепежа, мужчина держал на ладони сломанную дверную ручку. Продавец вынес похожую и объяснял, что внутренний механизм другой. Мужчина настаивал: ручка же такая. Людмила дождалась, пока они освободят ступеньку, и поднялась наверх.

Полина была в тех же брюках, что накануне. Блузку сменила на футболку без рисунка, волосы убрала за уши. На столе стояли два пустых стаканчика от кофе и миска с яблоком, разрезанным на четыре части. Одна долька потемнела сильнее остальных: её брали, кусали и клали обратно.

— Я сейчас, — сказала она. — Две минуты.

В соседней комнате помощница спорила с кем-то по телефону о белых шарах.

— Не молочные. У нас вся ткань холодная белая. На ней ваши будут жёлтые... Нет, я не могу спросить у невесты, у неё сегодня свадьба.

Людмила остановилась у стула. Полина заметила выражение её лица и тихо сказала:

— Это другой заказ. Его тоже нельзя бросить.

— Я ничего не сказала.

— Я знаю.

Она взяла со стола папку, переложила на подоконник, снова вернула. Людмила села, чтобы Полина перестала освобождать для неё место, которое уже было свободно.

— Вы спали? — спросила она.

— Немного. Вы?

— Тоже.

Обмен выглядел почти нормальным. Не хватало только обычной жалобы на погоду, и Людмила испугалась, что сейчас её произнесёт.

Полина вытащила из прозрачного файла два листа. На верхнем был расчёт: аванс, остаток, дорога. Нижний назывался соглашением. Людмила не взяла предложенную ручку.

— Сначала деньги, — сказала Полина. — Я вам должна двадцать. Плюс такси, если приплёте стоимость.

— До гостиницы вы сами заказывали. Назад меня забрали.

— Тогда двадцать. Всё верно.

Она положила расчёт ближе к Людмиле, но поверх него оставила соглашение.

В документе говорилось о нераспространении сведений, полученных при исполнении поручения. Личные данные, семейные обстоятельства, содержание разговора, материалы переписки. Потом шло длинное предложение, в конце которого обнаруживалось право потребовать возмещения ущерба. Людмила прочитала его дважды.

— Это новое?

— У меня был шаблон. Юрист когда-то готовил для частных мероприятий.

— Когда-то — до вчерашнего?

— Да. Я его не ночью придумала, если вы об этом.

Полина подтянула к себе второй стул и села, наконец перестав нависать над бумагами.

— Послушайте. Я не прошу вас ничего скрывать от следователя. Я сама всё показала. И здесь исключение есть, вот. Речь про публикации, разговоры с журналистами, фотографии. Сейчас кто-нибудь напишет две строки, и людям потом жить.

— Каким людям?

— Вере. Её матери. Вам. Мне тоже, да.

Она сказала последнее быстрее, словно заранее отвечая на упрёк, которого Людмила ещё не произнесла.

Людмила снова посмотрела на документ. Ей тоже хотелось, чтобы никто не узнал. Особенно те одиннадцать человек, которым она позавчера объясняла, как осторожно следует обращаться с семейными письмами. Ей хотелось без труда оказаться человеком, заслуживающим той же осторожности.

— Я вчера позвонила Зое, — сказала она. — Рассказала, где нахожусь. Сейчас по этой бумаге получается, что уже нарушила.

— Близким можно.

— Здесь так не написано.

— Можно дописать.

— И своему заказчику, если он спросит, почему я не пришла?

— Это разумные обстоятельства.

— А определять разумность кто будет?

Полина потёрла лицо обеими ладонями, не доходя до глаз, чтобы не размазать остатки туши.

— Людмила Сергеевна, я сейчас не готова по каждому слову спорить.

— Тогда не надо мне давать на подпись каждое слово.

В соседней комнате помощница перестала говорить. Полина подняла голову, посмотрела на приоткрытую дверь и понизила голос.

— Я просто хочу, чтобы мы друг друга не уничтожили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.